

История о смерти,
любви и воскрешении.

Voracious Readers

СТАЛЬНЫЕ БОГИ

ЗАМИЛЬ АХТАР

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Замиль Ахтар
Стальные боги

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ахтар З.

Стальные боги / З. Ахтар — «Эксмо», 2020 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-187682-1

Когда боги примут чью-то сторону, победитель впишет свое имя в скрижали небес... Язычники отняли дочь у Михея Железного – и за это поплатятся своим королевством. Пятьдесят тысяч вооруженных паладинов следуют за своим предводителем во имя праведной цели. Они все крещены ангельской кровью и жаждут сожжения неверных. Только янычары могут противостоять паладинам. Ставший живой легендой янычар Кева однажды смог совершить то, что не под силу обычному смертному: он обезглавил мага под градом заклинаний, но потерял жену. С тех пор он отрешился от мира, затуманивая разум зельями и сладкоречивой поэзией. Чтобы спасти королевство, Кева должен забыть о своей горе и вернуть былую славу. Паладины Михея Железного уже близко, полные гнева и решимости писать собственную легенду – кровью. Пропитанная кровью фэнтезийная эпопея. Мотивы «Игры престолов» и «Тысячи и одной ночи», лавкрафтианские боги, джинны и астральная магия! «Грандиозная эпическая история, буквально заставляющая переворачивать одну страницу за другой. Книга, полная удивительных сражений, напряжённых политических интриг и сюрпризов на каждом шагу. Легко встаёт в один ряд с лучшими произведениями эпического фэнтези». – Reedsy «Один из лучших примеров построения авторского мира. Подходит поклонникам кровавого, мрачного, быстро развивающегося эпического фэнтези, с многослойным и сложным повествованием – и, в принципе, этого достаточно». – Bookworm Blues «Уже давно не испытывала от книг такие эмоции!» – Amazon «Сильные персонажи; история о смерти, любви и воскрешении; и войны во имя богов». – Voracious Readers «Я отвлекался от всех своих дел, лишь бы посмотреть, что будет дальше!» – NetGalley «Персонажи очень хорошо продуманы, проработаны и сложны. Ни одного из них нельзя считать исключительно злым или добрым, так что читать о них – одно удовольствие». – Lore & Lullabies «Эпические битвы, безумное величие

богов и колоритные персонажи. Несомненно, лучшее из фэнтези, что мне довелось прочесть за год». – Goodreads «Превосходное построение мира. Обязательно к прочтению!» – Карим Солиман, автор книги «The Warrior's Path» «Эпическая история. Не чтение, а шумные американские горки». – Мартин Тока, автор «Blinky's Law» «Джинны, странные ангелы и эстетика “Тысячи и одной ночи” придали истории уникальную, потустороннюю атмосферу. Отличная работа от мастера-рассказчика». – Дуглас Ламсен, автор книги «A Troll Walks into a Bar» «Потрясающее чтение! Поклонникам историй типа “Игры престолов” оно понравится». – Зита Харрисон, автор книги «Owl Manor» «Роман настолько эпичного масштаба, что у меня дух захватывает. Я листал страницу за страницей до самого конца». – Фрэнсис Джеймс Блэр, автор книги «Bulletproof Witch» «Самый продуманный мир, о котором я когда-либо читал». – Э.А. Виклунд, автор книги «The Huralon Incident» «Здесь столько историй, что на трилогию хватит. Удивительная книга». – Роберт Дефранк, автор книги «Star Winds at Dusk»

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-187682-1

© Ахтар З., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

1. Кева	7
2. Михей	22
3. Кева	33
4. Михей	42
5. Кева	51
6. Михей	59
7. Кева	61
8. Михей	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Замиль Ахтар

Стальные боги

Моей жене Дженалин

Zamil Akhtar
GUNMETAL GODS
Copyright © Zamil Akhtar 2020 / 2021

© Р. Сториков, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

1. Кева

От приглашения Тени бога не отказываются, даже если ты ветеран двадцати сражений и на твоём счету больше смертей, чем волос в бороде у шейха. Несколько недель назад я покинул свою кузницу и отправился в экипаже до Костани, резиденции царя всех царей. Вот, наконец, я проехал через ворота – и тут же содрогнулся от рыбного смрада на улицах. Но этот город, когда тут не несёт рыбой, пахнет домом: здесь я вырос, научился любить и ненавидеть.

От прогулки по большому базару звенело в ушах. Здесь стоял постоянный гул – люди спешили купить ковры с геометрическим узором из Аланьи, яркие кашанские специи и уродливых металлических идолов. Крики, беготня и толчки пробудили воспоминания о поле битвы; мне уже хотелось сбежать куда-нибудь подальше. Чтобы снять напряжение, я хотел было зайти в кофейню, покурить кальян со вкусом вишни и выпить наперсток крепчайшего черного кофе, но решил, что шах уже и так меня заждался.

Тронный зал Небесного дворца не был самой высокой точкой в городе, эта честь принадлежала Голубым куполам, но он стоял на холме над Костани и взирал на город, как взирали бы многие воображаемые боги. Зеленый купол дворца напоминал тюрбан, а остальная часть переливалась под полуденным солнцем жемчужным блеском.

Площадь была заполнена садами и фонтанами и отделана белым мрамором. Над воротами возвышались грозные шпили. У ворот несли караул преданные солдаты-невольники шаха – янычары. Однако юный янычар в одежде из ярко-желтого и розового хлопка не поверил, что я и есть знаменитый герой Кева, явившийся по приглашению шаха.

– Ты тот самый янычар, который пешком бился сразу с двенадцатью рыцарями в доспехах? – спросил он, недоверчиво вытаращив глаза. – Они что, были пьяны?

– Нет, зато твоя мать, когда увидит, что я собираюсь с тобой сделать, напьется до одурения. – Это старая янычарская шутка, совершенно безобидная, ведь мы не знали своих матерей. – В шестнадцать я тоже охранял эти ворота. А к восемнадцати уже пролил кровь в семи сражениях. В двадцать лет... Да ты и сам знаешь. Я не собираюсь болтать тут с тобой попусту, когда меня ждет Величайшая звезда.

Юный янычар прикусил дрожащую нижнюю губу и выдавил улыбку.

– Легенда возвращается, – сказал он. – Его величество ожидает тебя.

Он проводил меня в огромный зал, где на золотистой оттоманке сидел шах. Сверху взирал на все происходящее глазами из настоящих рубинов золотой павлин Селуков.

– Кева Кузнец, – сказал шах. – Даже некоторые евнухи имеют титулы получше.

Он был в лавандовой парче с рисунком из павлинов – символом Дома Селуков. Его золотой тюрбан, опущенный почти до точеных бровей, украшали настоящие павлиньи перья. Однако борода у него была как у воина – подстриженная, но достаточно густая, чтобы вызывать уважение. Несмотря на всю напыщенность, в нем чувствовалась твердость.

– Ваше величество. – Я склонил голову. – Бывший раб ценит любой титул.

– Чушь. – Шах встал с оттоманки, и в воздухе раздалась пронзительная трель цикады. – Я освободил тебя и дал достаточно золота, чтобы ты до конца своих дней мог бездельничать, а вместо этого ты день-деньской грохочешь молотом. Ты единственный неблагодарный на моем пути.

– О вас можно сказать то же самое.

Шах засмеялся так, что затрясся живот.

– Вот это старый добрый Кева. Сабля остра, но язык острее.

– Я рад снова с вами увидеться.

– А напрасно. Лучше бы у меня не было причин тебя вызывать. – Шах Мурад вздохнул с таким звуком, словно из кожаного мешка выпустили воздух. – Очередной маг разжигает смуту. Ты должен принести мне его голову.

Совсем не то, чего я ожидал, но моя спина и голос не дрогнули.

– Никакого приветственного пира. Никакого парада. Сразу к делу.

– Прошу прощения, я принял тебя за воина. Но, если тебе нужны церемонии, давай пройдемся.

Мы вышли из тронного зала в сад наслаждений. Ветер колыхал прекрасные цветы. Над верандой порхала птица-носорог, так быстро хлопая золотисто-зелеными крыльями, что не уследишь.

– Я повелел каждому послу привезти с его родины птицу. Теперь здесь обитают певчие птицы со всех восьми уголков света, – сказал шах.

Похожий на копье клюв пушистой круглой птицы, сидящей на ветке над нами, мог запросто выколоть глаз.

– А они не могут просто улететь?.. – спросил я.

– Ха! Даже птицы знают, где самая великая страна. Они куда умнее тебя.

– Надеюсь, у вас хватит ума придумать другой план, – сказал я. – Я не могу убить мага.

– Но одного ты уже убил. И ты единственный в мире человек, оставшийся после этого в живых.

– Мне повезло.

– С помощью одного везения магу голову не снесешь. – Шах изучающе посмотрел на меня. Уж конечно, он заметил поредевшие с годами волосы и брюшко, которое уже не мог скрыть даже самый тугий кушак. – Скажи-ка, Кева, чего ты хочешь?

– У меня есть все, что мне нужно, благодаря вам.

– После Лунары прошло почти десять лет. Пора взять новую жену.

– Мы до сих пор женаты.

– Нельзя быть женатым на покойнице.

Я сжал за спиной кулак. Как он смеет так говорить?

– Она не умерла.

Над головой пролетела стайка черных птиц с серебряными клювами, их темные глаза сверкали красными всполохами. Шах поднял брови и посмотрел на меня с жалостью.

– Если женщина уже десять лет не дает о себе знать, она все равно что умерла. Источник говорит, что муж должен выждать всего пять лет, ты прождал вдвое дольше. Тебе ведь почти сорок, верно?

– Исполнится сорок через семь лун.

Я разжал кулак, надеясь, что шах наконец перейдет к делу.

– У тебя седина в бороде и нет детей. Тебе нужна юная жена, готовая рожать. У меня при дворе таких множество, из одной надоедливой семьи или из другой. Убей мага, и можешь выбирать любую.

– Чтобы сражаться за вас, мне не нужна награда. Вам достаточно попросить.

Шах Мурад усмехнулся, совсем не царственно, и этим напомнил себя в юности, когда ел кожу своих сапог во время осады Растергана.

– Ты думаешь, что я посылаю тебя на смерть.

– Я готов умереть ради вас. Всегда был готов.

– Вот же болван! Мне не нужно, чтобы ты умирал за меня! Я хочу, чтобы ты тряхнул стариной и убил мага!

– По правде говоря, я не знаю, как мне удалось убить того мага, – признался я. – Сам всегда удивлялся. И постоянно об этом думаю. Маг заставил тучи засыпать нас острыми, как алмазы, градинами. Одна рассекла воина пополам, от шлема до паха. Столько человек полегло. – Я с трудом удержался от дрожи. – А затем Лунара отвлекла мага как раз в тот момент, когда я занес меч. Раз! И его отсеченная голова в маске уже лежит у моих ног.

Описывая все это, я воскресил кошмарный сон, после которого никак не мог проснуться.

– Нет-нет-нет, – с царственным презрением воззрился на меня шах. – Помню, как ты бахвалился, что отсек ему голову одним махом. И маску его выставлял напоказ, как будто это отрезанное ухо, которое ты повесил себе на шею. Слишком поздно скромничать.

– Может, и так, но тогда я был проворнее и сильнее...

– Ты просто трусишь! – Крик шаха вспугнул стайку попугаев, и они вспорхнули в небо. Стражники-янычары выпрямили спины. – Я не прошу. Я приказываю. Ты убьешь мага. А после вернешься ко двору и выберешь самую молодую, самую светловолосую девушку с самыми большими титьками и навсегда выбросишь из головы Лунару. Откажешься выполнять приказ, и я скормлю твою голову своим птицам.

Неужели я покинул свой деревенский домик и проехал сотни миль, чтобы умереть?

Я заставил себя склонить голову.

– Я никогда не отказывал шаху, не откажу и сегодня.

Нельзя просто явиться к магу и снести ему голову. Сначала нужно подготовиться. А потому я отправился к человеку, который тренировал меня, когда я был еще мальчишкой.

Крепость Тенгиса выглядела в точности так, как я ее помнил: три этажа из песчаника, пыльный двор и казармы, навевающие сладкие и горькие воспоминания. Не считая порхающих в небе голубей, стояла тишина. Во дворе не тренировались янычары, никто не ловил рыбу на берегу озера. Я проглотил нервный страх, наполнивший меня при мысли о том, что я увижу семью, которую покинул десять лет назад. Я отряхнул кафтан и дрожащей рукой постучал в большую деревянную дверь.

Сделав глубокий вдох, я приготовился увидеть потрясенное лицо Тенгиса, но мне открыла девушка.

Она прикрыла рот рукой.

– Папа?

Я понятия не имел, кто она такая.

– Это я, Мелоди, – сказала она.

И тогда я понял – ее лицо стало худым, а курносый нос заострился. Она обняла меня прежде, чем я успел вставить хоть слово.

А потом отпрянула и дала мне пощечину с такой силой, что у меня зазвенело в ушах.

– Ты не приезжал и не писал. И вдруг являешься откуда ни возьмись и даже не узнаешь свою названую дочь.

Когда боль отступила, я потер саднящую щеку. Мелоди топнула ногой и скрылась в крепости. Прежде чем дверь успела захлопнуться, я проскользнул внутрь. Прихожая сильно изменилась – теперь пол покрывали выцветшие разномастные ковры, из-под ног поднималась пыль, от запаха плесени я даже закашлялся. Неужели никто не смотрит здесь за порядком? На

стене рядом с нечищенной саблей висела покрытая каллиграфическими надписями аркебуза с фитильным замком. Когда я стал подниматься по лестнице, ступени закрипели.

Тенгис сидел за низким столиком на полу главного зала и выстукивал по печатному прессу. Такие привозили из Шелковых земель, написать что-то так было быстрее, чем пером. Старик разбросал по комнате металлические детали и хитроумные приспособления, устроив страшный беспорядок. Он уставился на меня, разинув рот от удивления, и сказал:

– Ах ты козлиное дерьмо!

Старик – это мягко сказано. Когда речь заходит о Тенгисе, слова просто меркнут. Его усыпанная пигментными пятнами кожа напоминала ковер, сотканный слепцом.

– И что, будешь просто стоять тут и тарашиться? – сказал он. – Ты призрак? Если так, то знай: толстым призракам не рады в моем доме. – Он встал и погрозил мне пальцем. – Убирайся, не то я сию же минуту позову экзорциста!

Когда я убедил его, что реален, мы вышли на террасу за глотком свежего воздуха. Я сел на лежавшую на полу подушку.

– Лунара была слишком хороша для этого царства, – сказал Тенгис. Он вручил мне кружку с ячменной бражкой и плюхнулся рядом. – Быть может, ей лучше там, где она сейчас...

– Я не сумел ее уберечь.

В доме, где я вырос, меня одолела ностальгия, растекаясь в крови, словно яд.

– Она в этом не нуждалась, – с отвращением фыркнул Тенгис. За десять лет его спутанные волосы совсем поседели. – Я учил и тренировал ее по той же причине, что и тебя. Сила и ум – это ступенька, если ты раб. Если бы я не научил Лунару думать и сражаться, она, такая красавица, в итоге оказалась бы в гареме. А где оказался бы ты со своими огромными ручищами? Стал бы кузнецом?

Его сарказм больно ранил.

– Да брось, это неплохое ремесло.

– Я так много видел в вас обоих. День вашей свадьбы стал самым счастливым в моей жизни. Мелоди прекрасна, но я хотел больше внуков.

– Прости, что разочаровал.

– Ты меня не разочаровал, – сказал Тенгис. – В отличие от Лат. Как бы мы ни вымаливали у нее благословения, она дарует, и она отнимает.

– У меня по большей части отнимает. А вскоре может отнять и жизнь.

Тенгис сделал большой глоток и снова сел на подушку. Морщины вокруг его глаз никогда не разглаживались.

– За десять лет твоего отсутствия шах стал... мягко говоря, беспокойным. Разногласия с магом нужно разрешить миром. Нечестивая империя Крестес собирает силы на западе и готова вторгнуться при малейших волнениях. Конфликт с магом Вайей и его последователями нас подкосит.

– Значит, мне не следует его убивать?

– Убивать? Даже тебе это вряд ли удастся. Этот маг, как говорят, внушает гораздо больше страха, чем тот, которого ты убил.

Я буквально ощутил холод града, скосившего мой отряд. Что может быть страшнее?

Я потер руки.

– И как, по-твоему, я сумею послушаться приказа шаха всех шахов и уйти из Костани с головой на плечах?

– Пока я тебя потренирую, а тем временем пусть его вразумят визири. Через одну луну он пересмотрит свой приказ.

– Надеюсь, его визири способны выполнить эту задачу.

Тенгис кивнул.

– Великий визирь Эбра – мудрый человек. Он всячески противится этому конфликту. В прошлом году шах Мурад хотел вторгнуться на острова Джезия, потому что они перестали поставлять его любимый сыр. Он слишком импульсивен, и визири научились с этим справляться.

– Эбра стал Великим визирем? Быстро. – Я глотнул бражки. – Мы что, посадили на трон не того человека?

– Конечно нет. Брат Мурада стал бы настоящим кошмаром для всех. Уж лучше немного глупости и импульсивности, чем жестокость и безумие в самый неожиданный момент.

– Так, значит, – сказал я, – я месяцок отдохну тут с тобой и Мелоди.

– О нет, отдыхом это не будет. – Своим ехидным смешком Тенгис мог разрушить любую надежду. – Мы будем тренироваться. Война не за горами. А ты не так стар, как я, ты не имеешь права быть слабым.

Мелоди стояла на топком берегу озера, которое, как я теперь заметил, отступило и превратилось в грязный пруд. Раньше и почва была тверже. На моей названной дочери было то же желтое платье, как и когда она открыла дверь, только сейчас она держала над головой шамшир, приготовившись к бою. Клинок был шире, чем обе ее руки. Судя по ее позе, в девочку-подростка вместилась свирепость целой армии, а взгляд грозно сверкал гневом сотни брошенных дочерей.

– Ты же не думаешь, что я буду с ней драться, – сказал я с самонадеянностью, не сумевшей скрыть мой страх.

Коварный смех Тенгиса выбил меня из колеи.

– Я обучил ее обращаться с саблей. Обучил ее обращаться с копьем. Она освоила булаву и арбалет. И даже аркебузу, которая тебе никогда не нравилась.

– Терпеть не могу огнестрельное оружие.

– Защищайся! – крикнула Мелоди.

Зазвенела сталь – моя названная дочь врезалась в меня и оттеснила назад. Она оказалась на удивление сильной.

– Полегче, Мелоди, – сказал я, запыхавшись. – Я не дрался много лет.

– Дедушка говорил, что ты вечно ноешь.

Она бросилась в атаку, ударив снизу, и я покачнулся. Если бы я не отпрыгнул, она бы пустила мне кровь.

Держать в руках саблю и драться было так... непривычно. С тем же успехом я мог размахивать гигантским огурцом. Неужели я так деградировал за десять лет? Что случилось с навыками, которые превратили меня в героя янычар?

Тенгис стоял, скрестив руки, как дервиш во время медитации.

– Гордишься своей медлительностью? Твой противник сейчас – баба на сносях.

Мелоди шагнула вперед и полоснула саблей мне по ногам. Я отпрыгнул, чуть не угодив в муравейник, споткнулся и рухнул коленями в грязь.

– А мы можем потренироваться там, где почва потверже? – спросил я, когда Мелоди приставила саблю к моей шее, поставив точку в поединке.

– Ты, наверное, устал, папа. – Она со звоном сунула саблю в ножны и поворошила чернильно-черные волосы. – Надеюсь, завтра ты будешь в лучшей форме.

Ее разочарование добавилось к унижению и окончательно меня добило.

Уже через несколько минут я оттирал сапоги на берегу озера.

– Что за девчонку ты воспитал? – спросил я Тенгиса.

Он внимательно посмотрел на меня, и его ноздри раздулись от отвращения.

– Девчонку, которой плевать, что на ее любимые сапоги налипнет немного грязи.

Я протер подошву.

– Мне их только что сделали. По-твоему, я должен оставлять следы по всему Небесному дворцу?

– Ты стал изнеженным и откормленным простофилей. Когда ты в последний раз постился?

От этого вопроса меня чуть не вывернуло. Тенгис заставлял нас поститься с рассвета до заката, как постились святые, как минимум десять дней в месяц. Лишь пару вещей я ненави-дел сильнее. Думаю, именно из-за тогдашнего голода я сейчас и растолстел – никак не могу компенсировать это и наестся.

– Однажды я провел три дня без еды в пещерах Балаха.

– Значит, десять лет назад, когда совершил все свои подвиги.

– Я спас шаха. Убил мага. Сместил другого шаха, покончив с войной за престол, и коро-новал его брата. Этих достижений и до конца жизни хватит. Благороднее будет позволить и кому-то другому заработать славу. Кто знает, вдруг Мелоди станет следующей.

Мои глаза закрывались. Мне нужно было поспать. Я заплатил восемь золотых монет кучеру, чтобы добраться до Костани, и за это получил лишь тряску на ухабах и клопов в кара-ван-сараях по пути, так что просыпался посреди ночи от зуда.

– Тенгис, она ведь твоя последняя ученица? Или будут и другие, похожие на нее?

Старик вздохнул и присел на корточки у озера.

– Шах отправил меня на покой, я больше не тренирую янычар, а Источник запретил женщинам служить в войсках, так что Мелоди никогда не принесет присягу. Вот я и думаю, что теперь с ней делать...

Мимо проплыла стайка уток, крикая при виде сапога, который я полоскал в воде. Мать семейства клюнула сапог, и я поспешил достать его, пока не испортили. Какая-то птица не разорвет мою обувь, даже вкусная утка. В животе заурчало. В крепости Тенгиса прилично не пообедаешь, а я не собирался питаться костным бульоном с ячменем. Завтра нужно будет купить на базаре что-нибудь поприличнее.

Я похлопал сапоги друг о друга, чтобы обсушить. У подошвы красная кожа потеряла цвет, но золотисто-зеленая вышивка блестела как новая. Правда, воняли они отвратно. Прямо как Костани – рыбой и дерьмом. Ничего, от этого спасет паровая баня. Завтра надо заняться этим, сразу поутру.

Тенгис предложил мне поселиться наверху, в комнате для гостей: это было самое уютное место в доме, с перьевым матрасом и хлопковыми простынями вместо соломы и шкур, как обычно в казармах, где я раньше ночевал.

Мелоди все в том же желтом платье, грязном после нашей драки, сидела на лестнице. Это платье было самым ярким пятном во всей отсыревшей крепости. Взгляд Мелоди показывал, что ей хочется поговорить, и я не мог отвергнуть дочь, которую не видел десять лет. В крепости Тенгиса все мы были друг другу сыновьями, отцами и братьями – считается, что для янычар кровные узы не имеют значения, но это мнение только укрепляет нашу связь.

Она погрузилась.

– Могу я попросить тебя об одолжении?

Я мечтал затянуться кальяном перед сном. Гашиш со вкусом вишни подарил бы мне отдых.

– Достань мне кальян, и я отдам тебе весь мир.

– Дедушка много лет назад бросил курить. И все выбросил.

Я вздохнул.

– Что ж, еще одна причина для разочарования.

Мелоди поковыряла фальшивый топаз на бронзовом браслете.

– Ты расстроен, что приехал?

Я сел на ступеньку ниже ее и прислонился к стене.

– Прости, что не навещал вас и не писал. По правде говоря, я сам на себя не похож, уже давно.

– Я знаю. Дедушка всегда говорит, что ты не виноват. Просто здесь тебе слишком больно находиться. Прости за то, что я тебя ударила. – Она взяла меня за руку. – Я тоже скучаю по Лунаре.

После моего ухода Тенгис не красил стены. Раньше они были белыми, а теперь посерели. Наверное, дома стареют вместе со своими хозяевами.

– Лунаре тоже нравилось быть твоей матерью, – сказал я, чтобы немного взбодриться. – Удивительно, что ты вообще нас помнишь. Тебе ведь было всего пять.

– Вот бы она была здесь, как в старые времена. – Мелоди сжала мою руку. – Ты молишься за нее?

– Я многие ночи стоял от зари до заката и не смыкал глаз, умоляя Лат ее вернуть, – ответил я охрипшим от горя голосом. – А в результате получил лишь отекавшие ноги. Хотя они уже распухли после долгих поисков по лесам и горам в сельской местности. Когда человек вот так исчезает посреди ночи, не оставив ни намека на то, куда пошел... и искать-то негде.

– И одновременно с этим везде.

Я выдернул у нее руку и почесал бороду.

– И о какой же услуге ты меня просишь?

Мелоди вздохнула и потеряла мягкие темные волосы. Что бы это ни было, она никак не могла решиться попросить.

– Научи меня всему, что умеешь.

Я засмеялся.

– Сейчас ты умеешь больше меня.

– Я моложе и проворнее; может, даже сильнее. Но я никогда не буду такой же умной и опытной. Я ведь выросла в мирное время. А ты когда-то спал с кинжалом под подушкой, помнишь?

Кстати, если подумать, я просто чудом не порезался, ворочаясь во сне. Но так было проще выхватить кинжал и вонзить в того, кто пришел за мной. Во время противостояния шаха Мурада и его брата другие янычары часто пытались зарезать меня во сне, настолько все запуталось.

– Надеюсь, больше никогда не придется этого делать, – сказал я. – Мир сам по себе достаточная награда.

– Мир сделал нас слабыми.

– Ты говоришь так, потому что скучаешь.

Я погладил ее по голове.

– Нет, потому что видела, как живут люди в городе. Все лишь хотят хорошо проводить время, ничего для этого не сделав. – Она поморщилась и хлопнула меня по руке. – Почему ты уехал в такую глушь?

– Потому что имею право «хорошо проводить время». Мне нравится скучная жизнь. После всего, через что я прошел, можно только мечтать о скуке. Скука – это отсутствие войны и сражений. Она значит, что призраки тех, кому пустила кровь моя сабля, больше не вернуться и не спляшут передо мной.

Глаза Мелоди потухли. Как же неприятно было видеть ее уныние.

Я погладил ее по спине, по торчащим лопаткам. Надо сводить ее на базар, накормить фазанами, маринованными в кислом молоке, или пирогами на квашеном тесте с говядиной.

– Послушай, Мелоди. Старик воспитал тебя так, чтобы у тебя хватило сил получить то, что захочешь. Он научил тебя всему, что нужно.

Я встал, чтобы пойти поспать.

– А как же ты, папа? Чего хочешь ты?

– Хочу лежать на мягком матрасе до конца своих дней.
Хотя бы сегодня у меня такой будет.

Лежа на матрасе, я надеялся лишь на то, что шах поймет свою ошибку, помирится с магом и отправит меня домой. Я молился богине Лат, чтобы позволила мне до конца дней ковать подковы и разные безделушки и умереть поседевшим и морщинистым. И все же, уставившись на незнакомый серый потолок гостевой комнаты, я знал, что она посмеется и над этой моей молитвой и в очередной раз отмахнется от меня, как от птицы-носорога, пролетающей мимо ее небесной веранды.

Утром я с жадностью поглощал миндальный суп и говяжье рагу в самом дорогом заведении большого базара, и тут какой-то напыщенный придворный вызвал меня в Небесный дворец. Поэт-воин Таки называл его «дворцом на берегу времен», потому что он пережил десяток династий и завоевателей. Зеленый купол ярко выделялся на фоне белого мрамора. Мои сапоги оставляли грязные следы по пути через сад шаха, где в прохладе у каменного фонтана благоухали бархатцы. На верхушках тенистых деревьев щебетали черные дронго.

На веранде в центре сада на деревянной оттоманке сидел худощавый мужчина в окружении янычар в ярких одеждах. Его голову украшал переливающийся тюрбан с восьмиконечной звездой богини Лат на нем. Борода и усы были пострижены аккуратней, чем сад, – скорее дань моде, чем попытка придать себе грозный вид. Я чуть не закашлялся от терпкого аромата мирры, исходящего от его халата. Великий визирь Эбра стал жалкой тенью того Эбры, которого я знал в юности.

Но напротив него, склонив голову, стоял человек, одетый еще более щеголевато. Его глаза были подведены фиолетовым колем, а бордовые иноземные шелка с узором в виде лоз были даже тоньше, чем шелк Великого визиря.

– Мы непременно разберемся с этими головорезами, не беспокойтесь, – сказал ему Великий визирь Эбра. – Шах из личной казны возместит вам потерю... Как вы его назвали?

– Дворец желаний, ваше превосходительство. Место, откуда ни один человек не выйдет без улыбки, потому что все его желания будут исполнены. А теперь это просто развалины. Сварен, обуглен, сожжен дотла. Мечты превратились в дым. А мое состояние – в пепел. – Он задрожал, и по щекам растеклись фиолетовые разводы коля. – Мы предлагали двенадцать вариантов карточных игр, вина из самого Лемноса, безбородых мальчиков и девочек для утех, владеющих премудростями кашанской сутры. Вам бы понравилось...

– Нет-нет. – Великий визирь вспыхнул и заерзал на оттоманке. – Я почитаю Лат и следую указаниям Источника. Некоторым это нравится, но для меня путь в подобное место закрыт. – Он скрестил ноги и сглотнул. – Никто не погиб, так что за кровь деньги не выплатят, но будет компенсация. Для вас и других, кто потерял такое утонченное заведение из-за оголтелых фанатиков. Шах не позволит преступлению остаться безнаказанным. – Эбра посмотрел на меня и поднял брови, по его лицу расплылась фальшивая улыбка. – А вот и живая легенда, которая этим займется. Благодарение Лат, что мы встретились после такой долгой разлуки, Кева. Ты сделал так много, я и теперь многого жду от тебя.

– Ваше превосходительство. – Я склонил голову. – Как я и сказал его величеству, я делаю то, что приказывают.

Эбра жестом велел владельцу дома наслаждений удалиться. Как только заплаканный человек побрел прочь, он сказал:

– После моих настойчивых уговоров шах мудро отменил предыдущий приказ. Вместо этого ты должен отправиться на переговоры с магом Вайей.

Я с облегчением расслабил плечи.

– Переговоры? Я не дипломат.

– Ты уважаемый и грозный воин. Ты достоин передать ему требования шаха, потому что можешь заставить с ними согласиться.

– Уверен, в городе полно уважаемых воинов.

– Но только один убил мага.

Хвастовство всегда оборачивается боком. Я с сожалением вздохнул.

– Ваше превосходительство, человека, который десять лет назад убил мага, больше не существует. Я уже не прежний воин. Вчера во время тренировочного боя меня победила моя дочь, которую я когда-то таскал на плечах. Переговоры могут окончиться неудачей, ведь вы посылаете к самому могущественному магу в нашем царстве «откормленного простофилю», как выразился мой отец.

– Мы, янычары, обожаем называть тех, кого любим, дочерьями, отцами и братьями. – Великий визирь гортанно рассмеялся. – Быть может, однажды и я назову тебя братом.

Эбра тоже обучался у Тенгиса. Я знал его в те дни, он был застенчив и мало говорил. Потом его отправили в дворцовую школу для элиты янычар, чтобы учить не боевым искусствам, а государственному управлению.

– А вы не любите человека, который тренировал вас и научил всему, что вы знаете?

– В отличие от большинства янычар я помню своих настоящих родителей, – желчно ответил Эбра. – Помню тот день, когда они продали меня за горсть серебра. Поэтому мне трудно называть кого-либо этими словами...

– А мне трудно не называть. Кем был бы человек без семьи?

Эбра глотнул красной жидкости из драгоценного кубка и покачал пальцем.

– Ты человек прямой и умеешь убеждать – превосходные качества для разговора с кем-то вроде мага Вайи. Ты отбываешь через час.

Прежде чем меня выпроводили стражи, я успел сказать:

– Я не нужен для того, чтобы начать войну, и сомневаюсь, что нужен вам для заключения мира. От Томбора до Костани – долгая дорога в экипаже. Признайтесь прямо, зачем я проделал такой путь?

Эбра так удобно устроился на оттоманке, что я удивился, когда он встал, подошел ближе и склонился к моему уху.

– У шаха есть свои причуды, – прошептал он, как будто мы обменивались дворцовыми сплетнями. – Сегодня он хочет одно, а завтра другое. Не буду делать вид, что понимаю его. Сыграй свою роль, и он отбросит тебя и забудет, как надоевшую игрушку.

Эбра сел на оттоманку, с прямой спиной и высоко подняв подбородок, и взмахом ладони велел мне уйти.

Маг Вайя проповедовал в святынице города Балах, в десяти милях к востоку от Костани. Я ехал в экипаже по Долине святых, окруженной горами Зари-Зар. Именно там когда-то я выжил после града и убил мага. Я закрыл глаза, чтобы не вспоминать об этом и еще немного поспать. Источник настаивал на том, чтобы путешественники испытывали тяготы на священной дороге, поэтому весь путь карету трясло на камнях и ухабах. Уверен, лошади ненавидели эту дорогу не меньше, чем я.

Через час у склона горы показались лачуги Балаха. Дорога к святынице святого Низама, единственному впечатляющему сооружению среди груды камней, поднималась в горы. Она была слишком крутой для экипажей, поэтому мы с сопровождающими меня янычарами продолжили путь пешком. Мы миновали пещеру, где скрывался святой Низам, которую какой-то неизвестный ученый назвал Ванной камней. К тому времени как мы очутились перед святыницей Низама, я понял, что слишком много об этом знаю. И все благодаря Тенгису, который дал нам всестороннее образование и следил за тем, чтобы наш ум был таким же отточенным, как наши умения.

В святилище никогда не прекращались завывания просителей. Святые мужи читали молитвы, а нищие зывали к заступничеству святого Низама. Все входящие в святилище были в белом, кроме меня и янычар в своих ярких одеждах.

Подносы с благовониями не могли скрыть человеческий дух, вонь от кожи и пота ударила в нос, проникнув прямо в мозг. Протискиваясь сквозь людское море, янычары крепче схватились за аркебузы. А я даже саблю с собой не взял.

Мы прошли мимо мавзолея святого Низама, где в металлической клетке покоился его гроб. Просители прижимались к клетке и протягивали внутрь руки – лишь бы приблизиться к святому. Я быстро помолился, попросив только здоровья для Мелоди.

Помещение за мавзолеем охраняли крепкие стражи с булавами. Значит, это и есть те самые громилы, учинившие беспорядки в Костани (они сжигали таверны и дома наслаждений, якобы по приказу мага). Я показал печать с павлином Селуков, и они пропустили меня.

На плитах пола в пустой комнате сидел молодой человек со светлым и свежим лицом. В его правой руке клацали молитвенные четки, он шепотом восхвалял богиню Лат. Его поза со скрещенными ногами выглядела непоколебимой, как у якоря на морском дне. Он словно вдыхал само время, замедлял его и выдыхал безмятежность.

Юноша жестом пригласил меня сесть. Он щелкнул пальцами, и пожилой слуга принес маленькие каменные чашки с чаем.

– Значит, ты и есть маг Вайя. – Я отхлебнул чая. Он был жидким, как простой кипяток. Слабый вкус куркумы ничуть меня не взбодрил. И все же... Стоило глотнуть, и комната как будто накренилась. – Скажи, ты мирный человек?

Юноша встретился со мной взглядом. Я не мог прочесть, что скрывается под его безразличием. И видит ли он трепет, скрывающийся под моим?

Маг закрыл глаза.

– Все, кто служит милостивой Лат, должны стремиться к миру.

– Тогда позволь нам установить мир.

– Какой может быть мир без справедливости?

– Какая, по-твоему, была допущена несправедливость?

Маг распрямил спину.

– Под Небесным престолом, в том месте, которое называют Лабиринтом, держат в плену нашу шейху. Раньше каждый четверг я навещал ее, чтобы записать проповедь. Так по пятницам во время молитвы я мог повторить проповедь, словно говорил ее устами. Завтра будет третья луна с тех пор, как я ничего не слышал о нашей шейхе.

Я вздрогнул от неожиданности. Никто мне об этом не сообщил. Неужели меня послали сюда только показать Вайе, что у шаха есть убийца мага? Неужели моя жизнь настолько мало значит, что меня заставили проехать через всю страну ради такого ничтожного спектакля? Я понадеялся, что маг не заметил удивления и возмущения в моих глазах. Я затолкал эти чувства поглубже.

– Почему же ты не попросил надлежащим образом? Зачем поднимать волнения?

– Ты бывал в Лабиринте?

Я пожал плечами.

– Не могу сказать, что бывал.

– Тогда бы ты меня не спрашивал. Когда человека туда помещают, ему дают факел и велют самому найти дорогу к выходу. Историки говорят, что император Крестеса построил Лабиринт, чтобы запутать демонов, выбирающихся из ворот ада. Туннели тянутся бесконечно, все глубже и глубже, и так изгибаются, что люди сходят с ума, пытаясь вернуться к исходной точке. В темноте слышен шепот джиннов, они царапают узнику лоб острыми, как ножи, ногтями. Никто не выживает в Лабиринте... Но наша шейха там уже десять лет.

Когда я был маленьким, Тенгис пугал нас историями про Лабиринт. Услышав его описание из уст мага, я снова вспомнил детские страхи.

– Как же она там выжила?

Маг показал на свое бесстрастное лицо, а потом закрыл его руками и убрал пальцы, чтобы стали видны глаза.

– Чудеса наших невидимых масок и подготовки позволяют жить без еды, без воды и без сна, никогда не старея. – Он снова сложил руки на коленях, сцепив пальцы. – Но в Лабиринте убивает не отсутствие всего этого. Безумие подкрадывается, как наемный убийца. Шейха Агнея его поборол. Она осталась у входа и исследовала только одну пещеру.

– Агнея... Однажды я с ней встречался. – Я вспомнил бледную девушку с повязанными ярким шарфом волосами и в грубом шерстяном платье; она стояла перед тронном в огромном зале. – Лет двадцать пять назад. Она выглядела моложе тебя. Она отказалась помочь отцу Мурада в войне против Аланьи и в переправе через Юнанское море. Шах Джалаль разбил пару кубков с досады, но ему хватило ума не бросить кубок в мага. – Я не мог забыть ее добрые глаза, когда она подошла ко мне с грацией облака. – В тот день я постился, а до заката было еще далеко... Она подошла ко мне, когда я стоял в карауле во дворце, и вытащила из складок плаща мягчайший и белейший хлеб, до той минуты я такого не пробовал. Иногда я думаю, не приснилось ли мне это.

– Наша шейха любила кормить обездоленных. Она всегда помогала слабым, куда бы ни пошла, во имя святой Кали.

Я фыркнул, отмахиваясь от его болтовни.

– А во имя какого святого действуешь ты? Назови мне святого, который любит все жечь. Скажи, чего ты хочешь этим добиться?

Маг элегантно откашлялся.

– Во тьме Лабиринта шейха слышала голос Лат, словно райский ветерок. Без ее проповедей мы лишены небесного ветра. Пусть нам вернут право видеться и говорить с Великим магом Агнейей – вот и все, чего мы просим.

Вполне разумное требование, но я услышал лишь одну сторону, хотелось услышать вторую.

– Я передам твоё требование его величеству. – Я снова встал. – А ты пока прояви добрую волю: вели своим сторонникам больше не нападать на игорные дома, таверны и... да, даже на дома наслаждений в Костани.

– На все есть причина, – сказал маг, глядя сквозь меня. Посмотрев на него, я чуть не впал в транс. – Даже на то, чтобы отдать по доброте душевной кусок хлеба стражу во дворце.

Я поежился и вернулся к янычарам, ожидающим в дверях.

Только через час, по пути обратно в Костани, я наконец-то перестал чувствовать вонь Балаха. Я дышал нормальным воздухом, без запахов невымытых и потеющих людей. Через восточные ворота мы проехали прямо к Небесному престолу. Гладкие дороги Костани меня убаюкали. Но дремал я недолго – меня разбудил кучер.

– Это не дворец, – сказал я, выглядывая из окна на узкую улочку.

Мошеную улицу обрамляли двухэтажные дома из желтой глины. Но почему вокруг никого, не считая нашего экипажа?

Кучер поманил меня в ближайшую кофейню с мягкими подушками и низкими деревянными столами и повел на лестницу. Наверху, в яркой комнате с двумя напольными подушками и кальяном, сидел шах Мурад.

– Садись, и давай обойдемся без любезностей, – сказал он. – Мы здесь, чтобы поговорить откровенно. Ты должен говорить прямо и честно, как с близким другом.

– С близким другом? – хмыкнул я, выпустив наружу всю горечь, которую до сих пор проглатывал. – Разве близкий друг пошлет тебя на переговоры совершенно неподготовленным, не сообщив самое важное?

– Ты неправильно меня понял. – Мурад вытащил мундштук изо рта и сердито уставился на меня. – Я – шах, и ты расскажешь мне, что произошло, янычар.

– Вы что, забыли? Вы же сами освободили меня от присяги янычара.

– Ты все равно остаешься моим подданным! – Шах выглядел так, будто готов ударить меня кальянной трубкой. Но вместо этого он затаился и закрыл глаза. Его дыхание замедлилось. – Прости, Кева. Последние несколько лун выдались нелегкими. Предполагалось, что Великий визирь Эбра введет тебя в курс дела. Ты свободный человек, которого я уважаю, а список таких людей день ото дня становится короче. Вот почему ты здесь. А теперь, прошу тебя, расскажи, что там было.

– Ладно, я выполню свой долг.

Я сел на подушку и пересказал все, что произошло у мага. Шах замолчал, размышляя и затягиваясь кальяном.

– Мир – это болезнь, – сказал шах Мурад, когда я закончил.

Эти слова меня смутили.

Наконец, он протянул мне мундштук. Я глубоко затаился. Дым со вкусом вишни коснулся легких и вышел через рот, успокаивая.

– Мир. Мир. Мир, – сказал он. – Все его хотят. Но поверь мне, это болезнь. Как проказа или оспа.

– Неужели война лучше?

Стены были расписаны узором из лилий. Так странно было говорить о войне в такой цветастой комнате.

– Лучше или нет, но она грядет. – Шах Мурад закашлялся. – Шпионы доносят мне, что армада крестесцев из пяти сотен кораблей и пятидесяти тысяч воинов только что причалила к острову Никсос, а оттуда при хорошем ветре всего несколько дней пути к тому месту, где мы сейчас сидим. Куда, по-твоему, они направляются?

Один из янычар, стоящих на страже, передал шаху бурдюк вроде тех, что мы используем в военных походах. Мурад отхлебнул из бурдюка, как мучимый жаждой воин после битвы, вытер бороду и передал его мне.

– Предполагаю, что в Демоскар. – Я сделал глоток. Там оказалась обычная вода. Даже когда мы оба были молоды, я никогда не видел, чтобы Мурад пил что-либо, кроме воды или молока. В отличие от отца и брата. – С пятью сотнями кораблей они возьмут портовый город за день, а еще через несколько дней двинутся по земле к Костани.

Шах поморщился, словно мои слова больно стегнули его.

– Наша армия – лишь тень той, которая была при моем отце. Я был глупцом, когда послушал советчиков, трусов, вроде Эбры. «Лучше построить десять больниц», так он говорил, – сказал шах тоненьким голоском, изображая Великого визиря. – «Вы станете народным героем. Люди будут вас обожать». А на самом деле люди полюбят императора Крестеса, когда он заставит их склониться перед своими проклятыми идолами.

Я воспользовался моментом, чтобы затянуться дымом со вкусом вишни.

– Они не доберутся до Костани. Никто не желает склоняться перед крестескими идолами. Мы будем сражаться до последней капли крови.

– Чего в наши дни стоит кровь? Когда шахом был мой отец, все были воинами. Он повел нас через Тесный пролив в Юну, покорять крестеские города, и на юг, за Сир-Дарью, в Аланью. Крестеские императоры пачкали простыни при одной только мысли о воинах из Сирма.

Каждое его слово навевало воспоминания о моей службе шаху Джалаялю – и сладкие, и горькие. Но слишком часто воспоминания вызывали уныние.

– А после смерти вашего отца эти великие воины начали убивать друг друга.

– Лучше хоть кого-то убивать. Лучше точить сабли каждый день и быть готовыми убивать. Считаешь меня кровожадным? Я говорю это, чтобы предотвратить еще большее кровопролитие, которое случится, когда вторгнутся крестесцы. Посмотри на нас. Маги сидят в своих святилищах и затуманивают мозг песнопениями и вращением. Надеюсь, ты не пил их чай.

Я прикусил язык.

– А воины? Только посмотри на наших воинов. – Он ткнул в мою сторону открытой ладонью. – Самый великий из них скрывается в захолустной деревне и развлекается, стуча по наковальне. Что нам нужно, Кева, так это причина сражаться, масштабнее их причины. Не забывай, что Костани – священная земля для крестесцев. – Напряженными пальцами шах Мурад потянул за край бороды, тронутой сединой. – Твоя жена Лунара была из тех воинов, в которых мы сегодня нуждаемся.

От одного упоминания ее имени время остановилось. Говорить о Лунаре – все равно что вернуть ее.

– Вы хорошо ее знали?

Шах Мурад ухмыльнулся и кивнул.

– Только не бросайся на меня, ладно? Я бы взял Лунару в наложницы, будь у меня хоть толика разума. Она была львицей, и вместе мы воспитали бы выводок царственных воинов, таких как Утай и Темур, которые сковали это государство на крови и железе.

Я разозлился.

– Вы же шах. Так почему же не взяли ее в наложницы?

– Потому что я видел, как ты на нее смотришь, видел, как она смотрит на тебя, и понимал, что не смогу править без головы.

Я хохотнул. Его слова о Лунаре оживили ее в памяти. До чего же удивительная женщина; словно Лат создала ее из глины другого мира. Ее волосы сверкали ярче чистого золота, но кожа загорела от тренировок на солнце, а маленькие ладони огрубели, сжимая рукояти сабель.

Через комнату прошел янычар, зажигая свечи и замысловатые висячие лампы, так что стало светлее.

– Она умерла, Кева.

– Почему вы так уверены?

– Потому что она смотрела на тебя как на главную награду. Как будто страдала и сражалась только ради тебя и вашей будущей жизни. Она не могла от тебя сбежать.

Я едва сдержал слезы и, наверное, показался шаху слабаком.

– Насколько я помню, – сказал шах, – она пропала спустя несколько дней после моего восхождения на трон. У всех нас было слишком много врагов, сосчитать невозможно. Должно быть, кто-то застал ее врасплох среди ночи, перерезал ей горло и выбросил тело в канаву.

– Нет...

– Очнись! – Шах Мурад топнул по полу, чуть не опрокинув кальян. – Я бы тебе врезал, но слишком восхищаюсь человеком, который помог мне занять трон. Нельзя сейчас, когда так много стоит на кону, впадать в уныние. Если мы не объединимся, крестесцы нас покорят. Вот на чем тебе сейчас нужно сосредоточиться, а не на какой-то мертвой женщине!

Шах мог приказывать моему телу, но не сердцу. Мне было плевать на войну. Я не хотел очнуться. Все, что у меня осталось, – это грезы о счастье.

– Зачем вы привезли меня в эту заброшенную кофейню? Почему именно сюда?

– Потому что во дворце всем заправляет Эбра. Перед двором и янычарами он рисует меня импульсивным дураком, а себя – мудрым и спокойным штурманом, который правит кораблем. Вот почему он не ввел тебя в курс дела – хотел, чтобы у тебя ничего не вышло, тогда мне больше не на кого было бы полагаться, кроме как на его подхалимов. – Шах перевел дыхание. – Когда Крестес высадит на наши берега пятьдесят тысяч паладинов, мы увидим, кто из нас дурак.

– Если вы не доверяете Эбре, сместите его.

– Для тебя все вот так просто, да? Металл не бывает ровным. – Шах рубанул по воздуху, словно у него в руке молоток. – Поэтому нужно ковать его, пока не распрямится. Если я лишу Эбру должности и привилегий, он сбросит свои шелка, наденет домотканую шерсть и присоединится к возмутителям спокойствия. А если казню, преданные ему янычары вывешат мою голову на дворцовых воротах и отдадут корону моему сыну. Эбра много лет меня переигрывал, и обращаться с ним следует с осторожностью.

Я поерзал на подушке – разболелась спина. Какое мне дело до дворцовых интриг? Именно из-за этих склок я и уехал так далеко.

– И чего же вы хотите от меня?

– Я понимаю, что ты раздобыл, и размяк, и больше не можешь убивать, как прежде. По правде говоря, я попросил тебя принести мне голову мага, чтобы проверить твою верность. Чтобы сражаться с врагами, внутренними и внешними, мне нужны самые преданные люди, но не подхалимы. А грань между ними тонкая.

Не особо тонкая. Преданный янычар знает, когда льстить, а когда говорить откровенно.

– Вот способ решить ваши проблемы, – сказал я. – Разрешите вонючему народу из Балаха увидеть их шейху.

– Ох, Кева. – Шах скрестил руки на груди и откинулся назад. – Неужели ты считаешь меня таким глупцом? Я бы даже освободил ее... Если б знал, где она.

Я окаменел. Как много я еще не знал в этой истории.

– Разве она не пленница в Лабиринте?

Угли в кальяне остыли. Шах Мурад затаился, но выдохнул только сизый дым, похожий на седые волосы.

– Лабиринт – конец всему. Рано или поздно всех его пленников пожирают шепчущие джинны, которые выбираются из ворот ада. Источник отправляет туда самых отъявленных преступников, это наказание хуже смерти.

Шах снова затаился, но не выдохнул дым. Он сунул руку в шелковый жилет, вытащил желтый шарф и бросил его мне на колени. От шарфа несло гнилым деревом и травой... Я расправил его. На нем был зелтурийский магический узор – такие носят паломники, возвращающиеся из священного города.

– С обратной стороны, – сказал шах, покрутив пальцем.

Я перевернул шарф. Слова, написанные... дегтем? Совершенно непонятные, потому что парамейским я не владел.

– Ну и? – сердито посмотрел на меня шах. – Только не говори, что не можешь прочитать.

– Мне никогда не давались чужеземные языки.

– Святая Лат! Тебя обучал один из величайших из ныне живущих эрудитов, и ты не знаешь священный язык? – Шах засмеялся, кашля дымом и сажей. – Ты и впрямь звезд с неба не хватаешь, верно про тебя говорят. Позволь мне перевести...

Я испил из чаши

И теперь слышу гимны.

В них говорится: создай мир заново,

Выпусти демонов своего меча.

По моей спине и рукам прошла рябь дрожи, словно меня пощекотал джинн.

– Поэтично... но непонятно. Полагаю, его нашли в Лабиринте.

Шах кивнул.

– Я велел самым смелым из янычар прочесать Лабиринт возле входа. Они вытащили шарф из-под камня. Он принадлежал великому магу Агнее. Ты же любишь поэтов-воинов, верно? Тебе знаком этот стих?

Так и другие поэты-воины никогда не использовали слово «гимн» и не говорили о демонах и создании мира заново. В священных текстах такого тоже не было. Я покачал головой.

– Больше похоже на этосианский стих.

– Точно... Я тоже об этом подумал. Но этосианский епископ клянется, что такого в их книгах нет. – Шах положил подбородок на сцепленные руки. Насколько я помнил, в такой позе он обычно размышляет. Он мог часами так медитировать. – Кева, надвигается нечто поистине страшное. Мои кости так не ныли со времен войны за престолонаследие. Десять лет мира не остаются безнаказанными. Мне нужны верные люди, чтобы пройти через это. Люди, которые умеют не только подчиняться приказам и махать саблех. – Шах встал и отряхнул сажу с шелковой одежды. – Ты прав, ты свободный человек. Я могу в шутку пригрозить, что скормлю тебя птицам... Но я не такой, как мой брат. Ты волен уйти, если не хочешь в этом участвовать.

Я не хотел в этом участвовать. Но почему же тогда не ушел? Почему не сбежал обратно в Томбор? Это я создал Мурада, я посадил его на трон. И теперь его правлению угрожают враги, внутренние и внешние. Несмотря на долгое отсутствие, у меня есть дочь, которая равняется на меня, и отец, который многого от меня ожидает. А что, в конце концов, случилось с магом Агнеей?

Я встал и заглянул шаху в глаза.

– Мое первое воспоминание – как меня привезли в эту страну в качестве раба. Мне сказали, что я родился далеко на севере Юны, даже за границами империи Крестес.

– Мы все это знаем: ты светлее, чем чистая моча.

Шах рассмеялся собственной шутке.

Но я не засмеялся.

– Я верен лишь вашей династии. Отец учил меня быть преданным престолу, и только ему. Я не буду жить вечно, но, пока жив, вы можете распоряжаться мной по своему усмотрению.

Шах вытащил из кальяна мундштук и выдул пепел.

– И я распоряжусь, не сомневайся.

2. Михей

Говорят, что воды Священного моря протекли сквозь Архангела и пролились на мир с небес. Говорят, что омовение в этой воде возрождает душу, очищая от греха и тьмы. Вот только священники никогда не говорят, что она ужасно холодная и на вкус отдает ржавчиной. «Тяжелую» воду, рожденную из крови ангелов, нельзя глотать, но, когда тебя топят, трудно не нахлебаться.

– Во имя императора Ираклиуса, Дыхания Архангела и Хранителя Священного моря, подними голову, – сказал этосианский священник. – И восстань Михеем Железным.

Таково теперь мое имя. Родился я просто Михеем, сыном трактирщика, и я видел, как отец кашляет желчью, после того как наймит лорда шесть раз пырнул его ножом в живот. Почему? Просто таков был мир. Ныне я возродился во имя Архангела в том же несовершенном мире, но теперь нож в моей руке, и направлен он на тех, кто этого заслуживает.

Мне даже не пришлось поднимать голову – священник потянул меня за волосы.

– Тяжелой водой я очищаю тебя от всех грехов перед лицом Архангела и Двенадцати ангелов.

Моя армия на берегу озера простиралась до горизонта. Пятьдесят тысяч вооруженных паладинов наблюдали за возрождением своего Великого магистра.

Старый священник схватил меня за плечи.

– Веруешь ли ты в Архангела и Двенадцать, которых он поставил охранять верующих?

– Верую.

– Отрекаешься ли от Падших ангелов и отвергаешь ли все их искушения?

– Отрекаюсь.

– Будешь ли следовать воле своего императора, куда бы она тебя ни вела?

Я поколебался, затем сказал:

– Куда бы она ни вела.

Как только обряд был завершен, я вышел из воды. Беррин, мой заместитель, подал набедренную повязку, и я направился к зажженному им костру. Сорвав с дерева фигу, я сел у огня и наслаждался теплом. Ах, как легко быть новорожденным – чистым листом пергамента, на котором можно начертать Священное Писание.

– И каково это – быть Михеем Железным? – спросил Беррин. Толстые щеки делали его похожим на младенца. Но он был первым из моих паладинов и черные доспехи нашего батальона носил так, будто они были отлиты на нем при рождении. Красный узор нагрудника подчеркивал его рыжие кустистые брови, сейчас от волнения опущенные вниз.

– До того как я вошел в эту воду, моя душа была покрыта дегтем. Теперь она безгрешна и сияет, как звезда. – Я выплюнул в огонь фиговое семечко. – Не хочу, чтобы она снова потемнела. – Я поднял ладони вверх. – Беррин, ты сможешь мне быть достойным человеком?

– Мой господин, ты и так лучший из нас. Потому тебе и оказана эта честь.

– Нет... Я не более достоин, чем любой из вас. – Я зажмурился, чтобы скрыть слезы. – Когда священник толкнул меня и погрузил в воду, я увидел все дела рук своих. – Передо мной снова промелькнул образ Мириам, в комнате без окон, пронзительно кричащей от родовых мук, окруженной презренными тупыми священниками. Как я мог оставить ее там? – Я творил такое... Меня следует бросить в самую глубокую яму.

– Тяжелая вода все смыла. Это твой великий день, мой господин. Не стоит омрачать его унынием.

Беррин ерзал и прятал руки за спиной. Невыносимая отстраненность. Да, возродившись в Священном море, я стал равным любому лорду, даже императору, но меньше всего мне хоте-

лось, чтобы мои люди считали меня выше себя, чтобы воспринимали таким же, как попиравшие их гнусные лорды.

– Это великий день для всех нас, – сказал я. – Любую оказанную мне честь я разделяю с каждым из вас. И, Беррин... пожалуйста, не зови меня «господин». Я не стану пороть тебя из-за пшеницы.

– Как скажешь, Великий магистр.

– Так-то лучше.

Я доел фигу, стряхнул меланхолию и оглядел своих людей. Они преклоняли колени, когда я проходил мимо. Мои святые мечники, чьи длинные мечи выкованы из железа горы Дамав; мои стрелки, чьи аркебузы выкованы из темной стали, выплавленной из Колосса Диконди; мои алхимики и саперы с обожженными и потемневшими от огненных бомб лицами. Моряки, которых я взял с островов Эдказ, не знали наших обычаев, но тоже с высоко поднятой головой преклонили колени.

Я забрался на прибрежную скалу. Какие прекрасные место и день: чистое голубое небо, скалистые зеленые холмы, бирюзовая вода Священного моря мерцает на солнце. Я смотрел на своих людей, гордый как никогда. Все почести я заслужил лишь благодаря их стойкости, благочестию и верности. Ни один командир не пожелал бы более храброго войска, так как же я мог оставить благословения только себе?

– Смирно!

Они подчинились приказу и превратились в стену черного металла, протянувшуюся по берегу.

– Священник задал мне три вопроса. Я тоже задам вам три.

Повеяло прохладным ветерком.

– Клянетесь ли вы своими мечами, аркебузами и огнем защищать истинную веру и всех, кто ей следует?

Пятьдесят тысяч человек выкрикнули:

– Да, Великий магистр!

– Последуете ли за мной к берегам нашей священной земли, чтобы вырвать ее из нечестивых рук?

– Да, Великий магистр!

– Посмотрите налево и направо. Посмотрите на своих братьев. Узрите огонь Архангела в их глазах.

Они подчинились.

– Клянетесь ли вы умереть прежде, чем отвернетесь от своих братьев?

– Да, Великий магистр!

– Теперь я – Михей Железный, и вы все тоже должны возродиться. Вы – мой дом, моя семья, и каждый из вас будет нести мою честь. – Я посмотрел на этосианских священников, стоявших под оливковым деревом вдалеке. Им это не понравится. – Идите и окунитесь в воды Священного моря. Возродитесь, воины веры, все до единого!

Пятьдесят тысяч человек сбросили доспехи и стали нагими, как груши без кожицы. Пока моя армия купалась в странных водах озера, я сидел у огня и терпел протесты служителей этосианской церкви.

– Им не позволено входить в Священное море!

– Обряд очищения только для избранных императором!

– Мы оказали тебе честь, и как ты нам отплатил? Епископ Иоаннес об этом услышит!

Я ненавидел священников. Ненавидел святых, которые якобы говорят от имени Архангела. Когда я хотел поговорить с Архангелом, то открывал свое сердце и молился. Мне не требовались посредники. Но я молчал и позволял церковникам возмущаться. Мои пятьдесят тысяч никому не остановить.

В воду не полез только мой механик Джауз. Лысый, заросший щетиной, он был родом из Империи шелка далеко на северо-востоке, где тает лед и земля снова превращается в пастбище. Вместе с другими механиками он взял за правило одеваться в черный и красный, как паладины, но смотрелось это так же нелепо, как доспехи на свинье. Джауз все ночи напролет жег фимиам и медитировал перед нефритовым идиолом. Я терпел это из-за его знаний и умений. По крайней мере, он не поклонялся Лат, проклятой искусительнице и Падшему ангелу.

– Мои поздравления, Великий магистр. – Джауз воткнул в яблоко нож и выковырял семечки. Они даже фрукты едят не по-людски. – Я разделяю с тобой святость этого дня.

– Не интересуешься тяжелой водой, Джауз?

– Это просто вода.

– Нет, в ней есть что-то особенное. На вкус как сталь.

– У меня на родине было такое озеро. Если нырнуть поглубже, то увидишь подводную гору, полную железа и меди. Пить эту воду точно не стоит.

– Если это правда, то было бы неплохо добыть все это.

– Наш император рассуждал так же. – Джауз хрустнул кусочком яблока. – Он осушил все озеро.

Я и представить себе такого не мог.

– Нельзя осушить целое озеро. Куда деть всю воду?

– Когда у тебя в распоряжении миллион человек и умение правильно насыпать землю, – он постучал себя по голове, – можно сделать что угодно. Наш император, без сомнения, самый могущественный человек из ныне живущих.

– Хорошо, что Империя шелка далеко.

Джауз бросил яблочное семечко в муравейник, и муравьи тут же облепили его.

– Для тебя хорошо, что я близко.

Когда я оделся, мы с Джаузом поехали верхом к причалам. Архангел сказал, что Никсос – это рай в изумрудном море. Если бы я искал в жизни удовольствия, то поселился бы здесь. Но в море ждало нечто более прекрасное – пятьсот моих кораблей. Они заполняли весь горизонт.

– Сколько тебе нужно времени? – спросил я Джауза, когда мы спешили.

Мои паладины облачились в рабочую одежду. Кое-кто приготовил тачки, чтобы возить древесину. Другие измеряли корабль. Крепкие мужчины тащили доски на спине, словно быки. Даже в святой день возрождения мои люди не оставляли трудов праведных. Я должен преуспеть – не только ради себя, но и ради них. Я обещал, что в новом мире, который мы построим, у каждого паладина будет своя вотчина и ему никогда больше не придется терпеть кнут лорда. Но для этого мне требовалась земля, и единственная еще не завоеванная мной земля лежала на востоке, защищенная морскими стенами святейшего города на земле, Костани.

Джауз почесал лысую голову.

– Переделка всех кораблей займет одну луну.

– Слишком долго. Шпионы шаха уже, наверное, передали, что мы готовимся к вторжению. Если прождать целую луну, на стенах будет в два раза больше людей.

Мы остановились возле одного корабля у причала. Работы на нем завершились, но я заметил лишь более широкий угол корпуса. Джауз объяснял, как перестройка корпуса увеличит давление, направленное вверх. Это позволит кораблю с сотней человек и тридцатью пушками быстро пройти мелкий пролив, ведущий к Костани.

– Твои люди не корабельщики, и на такую работу требуется время, – сказал Джауз. – С тем количеством людей, которое у нас есть, мы можем делать от десяти до пятнадцати кораблей в день. Если хочешь, чтобы корабли перестраивались быстрее, тебе не хватит людей, чтобы изготавливать аркебузы, боеприпасы, доспехи и все остальное.

– Закончи за две недели.

Джауз покрутил усы, будто это рукоять, с помощью которой он проворачивает мысли. Интересно, все ли механики из Империи шелка лысые и усатые?

– Я изучал оборону Костани с моря. Даже с кораблями, способными идти по мелководью, тебе не преодолеть семь морских стен. Тесный пролив и правда довольно узкий. Против каждой стены можно выставить лишь семь-восемь кораблей одновременно, и им придется выдерживать огонь из нескольких сотен пушек.

– У нас пятьсот кораблей и лучшие в мире моряки. Атака на морские стены будет неожиданной. – Хотя детали плана еще предстояло разработать, я нутром чуял, что сирмяне окажутся неподготовленными и мы, если прорвемся через морские стены, легко преодолеем валы, ведущие к дворцу.

– Чтобы прорваться через эти стены, понадобится чудо, – сказал Джауз. – У Империи шелка две тысячи кораблей и механики поумней меня. Но даже у них не получится. Лучший план – высадиться в Демоскаре, пройти маршем вглубь страны и осадить Костани с суши.

Я представил себе этот путь. Многодневный переход от Демоскара до Костани с пушками на горбу. Сколько набегов придется нам пережить за это время? Хоть это и была крестеская земля, украденная неверными, мы забыли ее тайны. Конные лучники сирмян изрешетят нас, даже не вступая в настоящую битву. Когда мы достигнем стен Костани, рвение, обретенное в этот святой день, угаснет из-за тягот войны. Осада может продлиться годы. Чтобы прокормить армию, нам придется грабить окрестные деревни, многие из которых все еще исповедуют этосианскую веру. Это настроит людей против нас и увеличит армию шаха. Затяжная осада не может завершиться успехом.

– Все пять сотен кораблей должны быть готовы к проходу Тесного пролива через две недели, – сказал я.

– Великий магистр, эта святая вода, что, делает из одного человека двух?

– На острове пять процветающих городов, полных самых лучших корабельщиков в этой части света. Я приведу их к тебе.

– Каким образом? После покупки кораблей и металла у нас не осталось золота, чтобы им платить.

– Мы и не будем платить.

Джауз усмехнулся, повернул голову набок и кивнул. Неужели эти язычники и кивать должны не как все?

– А еще говорят, что у тебя добрая душа.

– Кто говорит?

– Твои люди. Знаешь, они пойдут за тобой за край земли.

Я покачал головой.

– Нам ни к чему край земли. – Я показал на корабли, закрывавшие восточный горизонт. – Мы идем в Костани.

Я приказал пяти легионам отправиться в приморские города, чтобы к рассвету привести десять тысяч корабельщиков. Мы обещали гильдиям возместить убытки, но их главы не хотели никого принуждать служить мне. А времени на разговоры больше не было.

Когда корабельщики шли к моим кораблям в цепях, я проклинал себя не меньше, чем, должно быть, они меня. Десятки людей погибли, сопротивляясь, предпочтя смерть работе без оплаты. Чтобы не смотреть, как их гонят, будто скот, я вернулся на свой флагманский корабль «Морской клинок» и умолял Архангела простить меня за пролитую кровь крестесцев. Я надеялся гораздо больше грехов, едва успев от них очиститься. Эта тяжесть сокрушила меня, и я не мог оторвать голову от заплесневелых половиц. Я дрожал при мысли о гневе Архангела из-за каждого невинного этосианина, которому причинил боль. Как я мог? Как мог я уподобиться лордам, от которых мы пытались убежать?

Пока птицы щебетали, приветствуя утро, десять тысяч человек, включая все кораблестроительные гильдии Никсоса, трудились над перестройкой моих кораблей.

Зоси, младший брат моей покойной жены, подошел, когда я наблюдал за работами со скалистого холма. Он возглавлял один из пяти посланных за корабельщиками легионов. Несмотря на молодость, он обладал доблестью ветерана. Мягкие черты лица выдавали доброе сердце, которое, судя по угрюмому выражению лица, истекало кровью так же, как и мое.

– Уверен, что это правильно, брат? – спросил он. Кажется, он отращивал бороду, чтобы выглядеть старше, но на светлой коже волоски цвета миндаля были едва заметны. – Улицы заполнены плачущими детьми и женами, молящимися о благополучном возвращении мужей. Можем ли мы взвалить себе на спину такой грех и все еще надеяться на благосклонность Архангела?

От жгучего стыда он даже не мог смотреть в их сторону.

Я тоже не мог. Они были верующими, а я заставил их неустанно работать. В полуденный зной безветренного дня труд, должно быть, был невыносим. Щелканье кнутов эхом разносилось по склону холма. Я сам страдал от рук более могущественных людей и мог только сочувствовать.

– Когда Костани будет нашей, я вознагражу их тысячекратно. Я открою сокровищницы шаха и осыплю богатствами всех, кто трудился ради нас.

Зоси кивнул и улыбнулся.

– Я никогда не слышал от тебя лжи. Но не меня нужно убеждать. – Его плечи снова напряглись. – Этосианский рыцарь явился на твой флагманский корабль. Тебя вызывают.

– Кто?

– Епископ Иоаннес.

Несомненно. Люди Никсоса – его паства, а я их украл. Я не мог не ответить на призыв второго по старшинству епископа этосианской церкви, так что отправился вверх по второму по высоте холму к собору. Здание из белого кирпича венчали два пурпурных шпиля, а каждую стену украшали витражи.

Внутри возвышался образ Архангела из чистого золота. Если его переплавить, можно купить еще пятьсот кораблей. Не то чтобы я мог зайти так далеко. Возможно, меня еще простили бы за грехи против ближних, но против самого бога? Такой грех на душу никто бы не взял, даже ради общего блага.

Епископ заставил меня ждать. Так поступают спесивцы – тратят время тех, кого считают ниже себя. Он заставил меня сидеть на скамье тридцать минут, прежде чем показал свое серое лицо.

– Михей Железный, – сказал епископ Иоаннес. Его ряса тоже была серой, как и усы. – Добро пожаловать в храм Гроба святого апостола Бента. – Даже его голосу не хватало яркости. Что он прятал под этой простотой?

Он провел меня в кабинет, маленькую комнату, примыкающую к церковной библиотеке. Никакой роскоши – лишь тарелка с фигами на каменном столе и полка, полная книг.

– Ты слышал историю ангела Михея, в честь которого назван? – спросил он.

– Не больше тысячи раз.

– В ней говорится, что его крылья...

– Разрушили звезду и сожгли землю, а потом закрыли солнце на сотню лет, пока земля не замерзла. И не оттаивала, пока греха не стало меньше. Я всей душой люблю Писание, но пришел сюда не для того, чтобы распевать с тобой гимны.

– Тебе дорого время. Ты хочешь оказаться кое-где так быстро, что не можешь уделить ни минуты мыслям об ангелах. – Епископ взял книгу с полки и открыл ее – «Ангельская песнь», глава о Михее. – Прочти мне ее с первого стиха.

Я расхохотался так, что заболело ребро, по которому когда-то попал молотом аланийский пират.

– Я тебе не мальчишка из хора. И ты прав, мое время дорого. Прощай, епископ.

Я не успел сделать и шага, как епископ сказал:

– Пересечешь порог, и я объявлю тебя еретиком.

Улыбка стерлась с моего лица.

– Ты не посмеешь. Император Ираклиус послал меня сюда за твоим благословением.

– Хоть ты и любимец императора Ираклиуса, но известия до него дойдут только через несколько дней. Кто знает, что может случиться с тобой за это время?

– Ничего. У меня на этом острове пятьдесят тысяч человек. А у тебя?

Должно быть, епископ своими глазами-бусинками уже играл в гляделки с десятком выскочек и думал, что я один из них.

– Только двое занимают более высокое положение в этосианской церкви, чем я, – патриарх и император. Как святые паладины, твои люди преданны Архангелу. Ты заставил их совершить деяния против их собственных душ и душ собратьев-крестесцев. Сколько из них уже сомневаются в тебе? И сколько откажутся исполнять приказы, когда я объявлю тебя еретиком?

– Мои люди никогда не перейдут на твою сторону.

– Посмотрим. В одном я уверен – без полной преданности твоих людей работа по перестройке кораблей займет намного больше времени.

Я подошел к столу. Епископ Иоаннес встал и с мерзкой улыбочкой посмотрел мне в лицо.

– Это святая земля, одна из немногих, не оскверненных неверными, – сказал он. – А ты явился сюда и ведешь себя так, будто она принадлежит тебе, а не Архангелу. Ты ответишь за свои преступления.

Я не моргая смотрел ему в глаза.

– Я отправил в ад больше людей, чем населяет твой маленький безмятежный остров. Осторожнее выбирай слова, епископ.

– Тебя ценит Ираклиус, и потому ты неприкасаем. – Его тон потерял резкость, он перестал ухмыляться и отвел взгляд. – Чего нельзя сказать о твоих солдатах. Я должен показать своей пастве, что могу вершить ангельское правосудие над теми, кто их обидел. Мне нужны командиры тех пяти легионов, которые ты послал в наши города. Они предстанут перед судом вместо тебя.

– Ты не будешь судить моих людей. Они умрут на поле боя, а не в твоей петле.

Епископ закрыл книгу с гимнами и стряхнул с нее пыль.

– Хорошо сказано. Настоящий командир никогда не бросает своих людей. – Он кашлянул. – Но настоящие люди бросают своих командиров постоянно. Легко быть верным победителю, но ты не можешь победить Церковь. Я предлагаю тебе выход...

Я снова сел и взял фигу, покатал ее в руке.

– Продолжай.

– Ты только что вернулся с островов Эджаз, где поклоняются проклятой Лат.

– Это верно. И мы отправили множество неверных прямо к ней в ад.

– Да, но ты взял и множество пленных, не так ли?

Он говорил о моих моряках из Эджаза. Они выделялись своими восточными манерами и одеждой; неудивительно, что епископ их заметил.

– Эджазцы – лучшие моряки в мире, – сказал я. – И все же я казнил тысячи пленных. Те две сотни, что я пощадил, приняли веру в Архангела и стали нашими братьями. Ты их не получишь.

Епископ провел пальцами по корешку книги.

– Я говорю не о моряках. Я говорю о другом твоём пленнике.

Он же не мог иметь в виду... Я тщательно скрывал ее ото всех, кроме самых ближайших помощников. Конечно, эджазцы знали... Но тем не менее...

Я подавил страх и разочарование.

– О каком еще другом пленнике?

Как горько понимать, что меня предали. Не только меня, но и каждого паладина, мечтавшего освободить Костани, мечтавшего быть свободным.

Я бы стер кулаком самодовольную улыбку с лица епископа, не будь он священником.

– Думал, я не узнаю? Чтобы занять высокое положение в Церкви, нужно понимать, где проходят границы верности.

– Кто рассказал тебе?

– Всего лишь ничтожный эджазец. Его границей стал большой палец на ноге. Из мизинца я едва извлек простой вскрик.

Во мне вспыхнул праведный гнев.

– Нет ничего мягче, чем сердце только что уверовавшего. Неужели ты так жесток?

– Ох, Михей, люди не так легко забывают своих богов. Он призывал Лат, когда мой инквизитор поднес нож к его горлу. – Хихиканье епископа было таким же мерзким, как и ухмылка. – Отдай мне пленника, и мы с тобой будем едины. – Он сцепил руки. – Ради этосианской веры.

Я не ответил епископу Иоаннесу. Он дал мне одну ночь. Нужно было узнать, будет ли пленница полезна или лучше отдать ее на костер.

Мы держали ее на моем флагмане, на «Морском клинке». Я захватил его у аланийских пиратов. В отличие от крестеских галеонов у него был второй, более глубокий, трюм для сокрытия золота от сборщика податей, в который можно было попасть только через люк. Там я и держал пленницу.

За исключением моего фонаря, там стояла крошечная тьма. Запах плесени бил в нос сильнее, чем где-либо на корабле. Пленница с прикованным к ноге железным шаром сидела в углу. Она посмотрела на меня своими зелеными, как морская вода, глазами. На ее лице не было ни страха, ни гнева, ни печали – лишь безграничный покой.

– Как проводишь время? – спросил я.

– В истине.

Станный ответ. Может, она знает наш язык не так уж хорошо.

– Я могу улучшить твоё положение. Намного. Хочешь?

Она молча смотрела на меня.

– Вот мое предложение. Отрекись от своей ложной богини, прими веру в Архангела и присоединись к моей команде. Ты будешь единственной девушкой, но я ручаюсь за твою безопасность и честь. Альтернатива намного хуже: я отдам тебя епископу, и он тебя сожжет.

– Я не отрекусь от своей богини.

– Я поклялся уничтожить ее веру, поскольку она – враг моего ангела. Ты не можешь поклоняться Лат в моей команде.

Я поднял фонарь, чтобы получше ее рассмотреть. Ни морщин, ни тусклых волос. Никак не старше восемнадцати; слишком невинна, чтобы быть той, кем ее считали эджазцы. Целую вечность назад я влюблялся в похожих девушек в родном городе. Дочь пекаря. Племянница мясника. Подозрительно юная жена ростовщика. Они не были красавицами, слишком бледные и худые, но для сына трактирщика – просто мечта.

– Я сожгу ваши святилища. И предам мечу тех, кто откажется принять истинную веру, пойми это.

– Да, ты сделаешь все это, и даже больше.

Она смотрела прямо перед собой, будто глядела на невидимого человека позади меня.

– Мы враги, пока ты не сменишь веру.

– Кто служит Спящей, не враги.

Опять неправильно выбранное слово? Но казалось, что она хорошо говорит на крестеском.

– Епископ будет рад заполучить тебя, – продолжил я. – Он обожает жечь ведьм.

Я схватился за металлическую перекладину трапа.

– Семь морских стен Костани не преодолевал никто за всю историю. Как ты пересечешь их, когда тысяча пушек будет сеять смерть? – Теперь стало очевидно, что она владеет нашим языком лучше, чем большинство чужеземцев. – Под Костани есть туннели, и я знаю проход.

– Туннели? Что за туннели?

– Лабиринт.

– Невозможно, – фыркнул я. – Лабиринт – это врата в ад. Через него нет прохода.

Она встала и пошла ко мне. Шла, пока вес железного шара не остановил ее.

– Где ты меня нашел?

– В титановых копиях Эджаза. Ты появилась внезапно, будто призрак.

– Ты знаешь, где я была днем раньше?

Она придвинулась ближе. Железный шар поддался. Она поднимала ноги и тащила его, будто он из воздуха. Я едва не разинул рот от удивления.

И тут я ощутил ее дыхание. Лед, мята и мед. Она провела в трюме несколько дней, не имея воды для мытья. Как она могла пахнуть так соблазнительно?

– В Костани, в шестистах милях отсюда. В Лабиринте, – сказала она.

Я усмехнулся.

– Надо бы отшлепать тебя за такое вранье.

– Я могу провести вас через туннели за несколько часов. Вы окажетесь прямо под Небесным престолом, пока шах вместе с армией будет спать. Вы расправитесь с ними и захватите морские стены. Твои корабли пройдут Тесный пролив, и Костани станет вашей.

Крестеский флаг, реющий над городом. Божественные гимны, несущиеся из величайшего из наших храмов. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но ее слова сделали образ захваченной Костани таким реальным.

– У всего есть цена, – продолжила она. – Такая, которую не смыть тяжелой водой. Вошедший в Лабиринт не будет прежним. Прикосновение Ахрийи меняет всех.

Ахрийя – еще один ложный бог, которого верующие в Лат считали воплощением зла. Как будто самого греха недостаточно. Как будто нужен кто-то, чтобы воплощать его. Да, Падшие ангелы тоже были злом, но грехи были их собственными.

Я рассмеялся ей в лицо.

– Вот почему моя религия истинная, а ваша ложная. Вы берете рабов. Вы верите, что человеком можно владеть. Если и есть на свете зло, то это рабство. Грехи, которые мы совершаем друг против друга, – вот что такое зло, а не какая-то темная богиня, которая правит адом.

Я мог бы поклясться, что она едва заметно ухмыльнулась.

– И как же называется то, что делаешь ты? Сколько людей трудится над перестройкой твоих кораблей, не получая ни монетки?

Я удивленно моргнул.

– Кто тебе рассказал?

– Я знаю многое, так же, как ты знаешь, что ты не такой несгибаемый, каким пытаешься казаться.

– Я верующий человек. Первое, что я сделаю, когда разграблю Костани, – привезу все ее золото и серебро на этот остров, чтобы заплатить всем, кто хоть раз поднял для меня доску. А вдовам тех, кто умрет на жаре, я отдам целый корабль драгоценностей шаха.

– Сначала нужно завоевать Костани. А без меня ты сделать это не сможешь.

Девушка отошла от меня, волоча за собой железный шар, будто он ничего не весил, и села в углу.

В ту ночь мне предстояло выбрать, кого отдать епископу, – ведьму или пятерых моих помощников. Я забился в угол своей каюты и накрыл голову простыней, чтобы отгородиться от окружающего мира. Я молил того, кто слышит все молитвы, о наставлении на путь истинный, об избавлении. Как я мог думать о том, чтобы отдать своих людей? И все же обещанная девушкой Костани запала мне в душу. Ведьма показала мне свою силу, передвинув железный шар, и я не мог отдать ее епископу и его инквизиторам. На рассвете я ползал по полу, все еще накрытый простыней, и умолял Архангела о прощении, потому что уже знал, что должен сделать.

Собрав пятерых командиров, я рассказал им о желании епископа, чтобы они предстали перед судом вместо меня, но умолчал о его предложении выдать ведьму.

– Мы готовы умереть за тебя, – сказал Беррин от всех пятерых. – Не стоит колебаться из-за твоей любви к нам. Мы знаем, что и Архангел так же любит людей.

– Мне жаль, – только и мог сказать я.

– Не нужно жалеть, брат, – сказал ясноглазый Зоси. От мысли о нем, болтающемся в петле, меня бросило в дрожь. – Мы все только что очистились в воде, смыли свои грехи. Мы умрем, почти не успев наделать новых, и, возможно, книга наших добрых дел окажется толще, чем книга грехов.

– Пусть Архангел запишет все ваши грехи в мою книгу, – сказал я. – Я понесу их, как вы несли наше святое дело.

Орво, мой главный алхимик и сапер, положил обожженную руку мне на плечо.

– Я не хочу умирать. Я еще не испытал множество рецептов. Но буду горд увидеть ангелов с такой компанией.

Его грубое безбровое лицо было мне милее лица любой прекрасной девы.

Эдмар, имевший шрамов не меньше, чем волос, кивнул.

– Можешь назвать в мою честь мост в Костани. А, нет, пусть это будет бомбарда. Самая большая.

Каждый шрам на его лице был святее священного гимна, ибо они были получены на службе Архангелу.

Один Айкард снисходительно молчал. Он дергал светлую козлиную бородку – тщеславная мода, которую я терпеть не мог. Мой главный шпион менял форму бороды каждую неделю и, похоже, сейчас раздумывал, что отрастить в следующий раз, как будто знал, что останется в живых.

– Моими последними словами станет молитва за твою победу в Костани. – Беррин стукнул кулаком по столу, едва не разбив медный компас. – Раздави шаха своим сапогом и назови ему мое имя!

От одной мысли о том, что епископ сделает с ним, у меня закипела кровь. Я не мог это принять. Я – Михей Железный, возрожденный в тяжелой воде Священного моря, слуга Архангела и Двенадцати ангелов, покоритель Пасгарда, Саргосы, Пендурума, Диконди и Эджаза. За десятилетие кровопролития я утроил размер империи. А чего добился епископ Иоаннес, чтобы иметь власть надо мной?

Я обнажил меч, бросил его на стол и взглянул в непреклонные глаза своих верных соратников. Таких смелых, что им и смерть нипочем. Нет, таких преданных, что они приветствовали смерть.

– Сегодня, – сказал я, – начинается наша война за чистое место без подлых священников и жестоких лордов. За землю, которой правит Архангел. Но только для тех, кто верен ему на словах и на деле. – Я высоко поднял меч. – Вперед!

Мы вшестером убили или покалечили всех этосианских рыцарей, охранявших Гроб апостола Бента, хотя в основном это была заслуга Эдмара. Его метательные ножи всегда находили

плоть, будь то подмышечная щель в латах или задняя часть колена. А мне, здоровяку с длинным мечом, рубить рыцарей было все равно что разрывать детей в доспехах (не то чтобы я когда-либо занимался подобным).

Епископ Иоаннес подсчитывал десятину в своем кабинете. Я выволок его из собора за волосы, связал и потащил на самый высокий холм. Он приготовил там костер – из всех способов казни сожжение было самым болезненным. Предполагал ли он, что я отдам ему ведьму? Или он собирался пытать моих людей?

Так или иначе, его судьба была решена.

– Тебе конец, Михей Железный, – сказал он, когда я привязывал его к столбу на костре. – Я говорю от имени Архангела. Неужели ты не понимаешь?

– Тогда ищи у него прощения. Скоро ты предстанешь перед судом.

Вокруг собрались паладины. Пятеро моих помощников держались рядом. Беррин с детским лицом, мягкий Зоси, Орво, Эдмар, несгибаемый Айкард. Я больше никогда в жизни не допущу мысли о том, чтобы бросить их.

Но кое-кого я увидеть не ожидал. Мою пленницу, ведьму.

– Кто освободил тебя? – спросил я, когда она шла ко мне с лицом безмятежным, словно ясное небо.

Она сняла с головы желтый шарф. Зрачки отражали солнечный свет, будто изумруды.

Увидев ее, епископ выпучил глаза.

– Это проклятая женщина! Это за нее ты готов убивать, Михей? Разве ты не видишь, кто она такая? Не знаешь, что она такое?

– Кем бы она ни была, она моя.

– Она маг! – вопил епископ. – Чародейка, чьей силы тебе даже не постичь! Убей ее, пока она не погубила всех нас!

Беррин зашептал мне на ухо:

– Великий магистр, это же епископ, посвященный в сан во имя Архангела патриархом и императором Ираклиусом. Он лично провел обряд возрождения для сыновей императора в Священном море. Ты уверен, что стоит это делать?

Разумные слова. Хотя я желал, чтобы епископ Иоаннес сгорел, и был в ярости из-за его жестокости, он все же оставался этосианином. Я умерил свою ярость милосердием, как и полагается доброму этосианину.

– Я дам тебе шанс спастись, епископ, – произнес я. – Если ты истинно верующий, то ответь мне. В истории ангела Михея, когда он закрывает крыльями солнце... Почему он позволяет праведным замерзнуть вместе с грешниками?

Епископ плюнул мне в лицо.

– Я не стану спорить с тобой о теологии и не позволю судить меня!

Я стер слюну со лба.

– Потому что все мы грешники. – Я выхватил у Беррина камень. – Мы все заслуживаем мучительной смерти. Во времена ангела Михея лед очистил верующих от греха. Тебя очистит огонь.

– Ты – проклятие этой земли, – начал свои последние причитания епископ. – Император Ираклиус отлучит тебя от Церкви. Он объявит тебя врагом веры, и все, что ты сделал, будет напрасно!

Я высек искру. Пришлось повторить это несколько раз, чтобы разжечь огонь на ветру.

– Ты прав, скорее всего, так и будет, – сказал я. – Я совершал и еще совершу страшные грехи. Но все они будут прощены.

Епископ засмеялся в последний раз.

– Как ты можешь быть таким самонадеянным?! Император никогда этого не простит! Архангел бросит тебя в самый глубокий ад!

Я разжег костер, и дрова затрещали.

– Я буду прощен, потому что дам императору Ираклиусу то, чего он хочет больше всего на свете. Чего хотел с того дня, как взошел на трон. Я дам каждому этосианину то, чего он жаждет всем сердцем.

Когда пламя лизнуло епископу ноги, он заблеял, как подыхающий козел. В нос ударила вонь горелой плоти.

– Во имя Архангела и всех верующих в него я очищу самую святую землю из всех. Я освобожу Костани. Я низвергну неверующих и верну восток Этосу.

Я надеялся, что вопли епископа слышны всему острову. Я наслаждался каждым. Когда все закончилось, я повернулся к ведьме, равнодушно наблюдавшей за происходящим.

– Кто освободил тебя? – спросил я еще раз.

– Я была пленницей, пока хотела этого, – ответила она. Пепельные волосы спутались на ветру. – Теперь я свободна, потому что так хочу.

Она посмотрела на обгорелые останки епископа. Ее гладкое, почти детское лицо не выдавало никаких чувств. Была ли смерть ей в диковинку? И, что более важно, была ли смерть в диковинку мне?

Я уставился на свои руки. Что я наделал?

– Он всего лишь первый, – сказала девушка.

– Первый в чем?

– Первый из тех, кого ты убьешь для меня, – прошептала она мне на ухо.

Что за странные слова. Пусть и красивая, девушка все равно не стоила того, чтобы из-за нее убивать, даже если была непростой горожанкой.

Мои люди начали спускаться с холма, молча, будто в трауре. Большинство из них преклонялись перед священниками и теперь были потрясены. Мне придется немало потрудиться, чтобы вернуть им веру в справедливость нашей цели.

Ведьма смотрела на Никсос, и ее глаза мерцали, как его изумрудные воды.

– Ты даже не назвала свое имя.

Она подошла ближе.

– Можешь называть меня Ашерой.

И ушла.

3. Кева

Обугленные тела и пепел усеивали каменную часовню, служившую некогда домом этосианскому апостолу. Рой ожиревших от крови мух вился над скамьями, пока янычары вытаскивали сгоревших людей на носилках. Я прикрыл рот платком и закашлялся: поджаренное человеческое мясо – это слишком, даже для бывалого воина. Я вышел наружу, под жгучее солнце, в дымный воздух узенькой, вымощенной кирпичом улочки старинного этосианского квартала Костани. По их Писанию, почти тысячу лет назад на это место спускались ангелы и пели славу. Но я не мог вообразить ангела глядящим на смерть, что покрыла это место сегодня.

В связи с внезапной бойней этосианских паломников шах собрал в тронном зале совет. Великий визирь Эбра занял место слева от шаха, прочие визири собрались вместе рядом с местным этосианским епископом. Мы все (кроме шаха, сидевшего на высокой золотой оттоманке) разместились на полу, и с нами – несколько старших и прекрасно выглядевших детей шаха. Но все внимание привлекал Великий муфтий Тайма, глава Источника, собрания величайших ученых, и честь сидеть рядом с шахом предназначалась только ему. Из всех присутствующих, не считая шаха Мурада, реальной властью обладал только он. И если шах по некоей причине желал казнить кого-либо из царственного дома Селуков, ему требовалось для этого дозволение Великого муфтия.

Десять лет назад я наблюдал, как в Голубых куполах, высочайшей точке Костани, шах отрубил голову своему брату. Селим, тайный наследник престола, умер с улыбкой. Тот проиграл войну за престолонаследие (главным образом потому, что я сразил мага, который удерживал войско Мурада, не допуская его в столицу). Великий муфтий Тайма обвинил Селима в тирании, палаш шаха сделал все остальное.

Сегодняшний муфтий Тайма мало чем отличался от того, прежнего. На нем были белый кафтан и кремовые шаровары. Густая, но аккуратная каштановая борода и золотые очки подчеркивали статус ученого, а власть его зиждилась на уважении по этой причине. Он был из тех людей, каких я боялся в юности: его осуждающий взгляд пронзал человека, как копьё пронзает мешок с мукой, насквозь.

Местный этосианский епископ, с ожогами и перевязками на шее и на щеке, дрожащим голосом рассказал о случившемся.

– Вокруг алтаря быстро вспыхнул огонь. Мы попытались бежать через внутренний коридор, но там был... человек, охваченный пламенем. Сперва я подумал, что он страдает, и бросился ему на помощь. Но то, как он шел... С такой легкостью... Он поднял руку, и пламя охватило весь коридор. Я задохнулся в дыму и лишился сознания. И это последнее, что я помню, перед тем как очнулся в лечебнице.

Другие свидетели подтвердили, что видели того горящего человека. Все они были этосианами, а я никогда не встречал этосианина, который не был бы склонен к полету фантазии, особенно когда дело касалось веры, войны и смерти.

– Позвольте мне пояснить, – произнес муфтий Тайма. – Наша религия не позволяет убивать кого-либо – неважно, последователя Лат, верующего в Архангела, или поклонника глиняного идола – без должного рассмотрения дела. – Его речь текла как плавный поток. – Тот, кто это сделал, осквернил святые заветы и должен предстать перед судом.

Никто не решался это сказать. Мы переглядывались, как малолетние школьники, боящиеся назвать имя мучителя.

– Из описания свидетелей все понятно. – Эбра сглотнул. Пот над бровями выдавал его страх. – «Человек, охваченный пламенем». Это сделал колдун.

– Маг!

Шах хлопнул по столику у оттоманки так, что зазвенели золотые кубки и блюда с фруктами.

Не ошибался ли я насчет мага Вайи? Он не выказывал кровожадности – предпочитал подавать странный чай.

– Полгорода поклоняется этому Архангелу! – Казалось, шах готов достать меч и снести кому-нибудь голову. – Когда пятьдесят тысяч крестеских паладинов осадят Костани, для этосианцев это будет идеальным поводом сплотиться с ними!

– Единственный выход – привлечь виновных к ответственности, – сказал Великий муфтий, – и показать тем, кто верит в Архангела, что мы станем их защищать, как своих. Призвать мага Вайю к ответу.

– Кева, ступай немедленно, – приказал шах. – Скажи магу, чтобы явился не позднее завтрашнего дня, не то заклеймлю его врагом Лат и предателем.

«Проклятие, – только и мог думать я. – История полна безголовых посланников».

– Разумно ли отталкивать его, о мой шах?

– Эбра, собери сотню лучших янычар, – велел шах, не обратив на меня внимания. – Маг Вайя войдет в Небесный дворец и не покинет его, пока муфтий не вынесет приговор.

– Но почему вы думаете, что он подчинится? – Я вынужден был настаивать, иначе нас могла постигнуть судьба этосианских паломников. – Если он владеет огнем, неужто сто янычар удержат его?

Воцарилась ошеломляющая тишина. Но я понимал, что то же самое было на уме у всех. Великий муфтий улыбнулся мне, как старый друг.

– А разве не ты убил мага, впервые со времен Темура Разящего? Разве ты не эксперт в подобных делах?

Я часто думал о том, убил ли я того мага на самом деле. Мы сражались с ним под градом, вызванным его колдовством, и вдруг он взглянул на небо, удивленно раскрыв глаза, как будто на горизонте появился ангел, как, по легенде, это случилось в той полной горелой плоти часовне. Отвлечшийся маг даже не вздрогнул, когда сабля перерубила его шею.

В юности я жаждал славы. Нет лучше трофея, чем деревянная маска мага, источник его силы, хотя она становилась невидимой, когда ее надевали.

– Маг – существо из плоти и крови, – ответил я. – Сруби ему голову, и она не отрастет заново. Но сделать это – совсем другая история. И, честно сказать, я сам не знаю, как мне это удалось.

– И тем не менее законы должны соблюдаться, а правосудие – свершаться. – Муфтий пристально смотрел на меня сверху вниз сквозь золотые очки. – У магов тоже есть свои законы. Они дают клятву защищать веру в Лат. Случается, что заблудший маг неверно истолковывает эту клятву. Защита латианской веры может означать убийство последователей иных религий и даже убийство соперника, претендующего на трон, как это произошло десять лет назад.

– Как приятно напоминание о моем любезном и милом братце. – Шах откинулся на оттоманке. – Маг Вайя и его приспешники хотели видеть моего брата на троне. Он всегда был сорной травой у меня в саду. – Шах устало вздохнул. – Нам не следовало щадить мага Вайю, избавляя от судьбы, постигшей его господина. То была ошибка... и твой совет, Эбра!

Эбра вздрогнул, словно получил пощечину от наставника.

– Приношу извинения, ваше величество, – склонил голову он. – Вы всегда должны следовать собственной мудрости, что на тысячу лиг глубже моей.

Он, похоже, умел умиротворять.

– Тогда что в тебе толку?! – Шах вскочил, пнул ногой золотую оттоманку и метнулся к веранде. Но на полпути обернулся и закричал: – Исправляйте это! Вы все, кто твердит, что служит своему шаху, разгребите наконец этот проклятый беспорядок! А иначе, если не спра-

витель, я покажу тем, кто поклоняется Архангелу, каков суд шаха, возложу на вас всю ответственность за гибель тех, кого уничтожил маг!

Меня ожидало очередное унылое путешествие в Балах. В янычарской оружейной я позаимствовал саблю; ухватил было и аркебузу, но не мог забыть, как едва не лишился пальцев, впервые попробовав ею воспользоваться.

«В Шелковых землях уже не пользуются саблями!» – сказал бы Тенгис. Полагаю, в Шелковых землях я не стал бы прославленным воином. Надо было переехать туда.

Но сегодня моя карета напоминала миниатюрный дворец на колесах. Что ж, по крайней мере, я с комфортом поеду навстречу смерти. И меня будут сопровождать конные янычары. Как неловко быть под охраной, а не охранником. Я открыл дверцу, плюхнулся на сиденье. Там, в засаде, кое-кто уже караулил меня.

– Мелоди? Что, во имя Лат, ты здесь делаешь?

Она была в кольчуге поверх желтого кафтана и в розовых шароварах – достаточно ярких, чтобы сойти за янычара. На поясе висели кинжал и сабля. Она подготовилась лучше, чем я.

– Ты медлительный толстяк и не сможешь себя защитить, – сообщила она. – Я поеду с тобой.

– Нет, не поедешь. Я могу не вернуться из этой поездки.

– А я позабочусь о том, чтобы вернулся.

– Марш отсюда, Мелоди. – Я распахнул дверцу кареты. – Как вообще ты об этом пронюхала?

– Некоторые рабы, которых воспитывал дедушка, подросли и стали дворцовыми стражниками. У меня есть знакомства в высших кругах.

– Тенгис сварит мою печень в корыте с кровью девственниц, если я возьму тебя с собой.

Мелоди захлопнула дверцу.

– Я не уйду. Я за тебя отвечаю.

– Но, во имя Лат, тебе только пятнадцать! – Я опять открыл дверь. – Выходи, или мы не поедem.

– А что делал в пятнадцать ты?

Она снова захлопнула дверцу и насупилась.

Я в пятнадцать был стражником во дворце и уже омыл свое копьё кровью. Правда, конской – я пронзил животное, и конь сбросил разбойника. Тот упал головой в канаву и сломал себе шею.

Я опять открыл дверцу.

– Ни за что я не повезу тебя туда, где может случиться бойня.

Мелоди снова закрыла ее.

– Если ты умрешь, никогда себе этого не прошу.

– Ты себе не простишь? А что, по-твоему, буду чувствовать я, если ты умрешь? – Я пинком распахнул дверцу и указал наружу.

– А ты ничего не почувствуешь, потому что, скорее всего, умрешь первым. – С недовольным видом она слезла с сиденья и выбралась наружу.

Я захлопнул дверцу и заорал:

– Гони в Балах!

Возница хлестнул коней, и я отбыл.

Я очнулся от тревожного сна из-за шума толпы снаружи. Потные балахские фанатики перегородили дорогу. Вокруг камни гор Зари-Зар, бежать некуда. Я похлопал себя по щекам, чтоб окончательно проснуться, и выпрыгнул из кареты, намереваясь с ними договориться.

Во главе толпы стоял маг Вайя; как обычно, ни улыбки, ни гнева – никаких эмоций на вечно юном лице. Воздух здесь достаточно сухой и запросто вспыхнет, чего я и опасался.

– Благодарю за то, что избавил меня от поездки, – произнес я. – Не хотелось подниматься по крутым склонам Балаха.

Со мной рядом встали пять янычар, еще четверо оставались верхом. Один янычар точно может прикончить десятерых из этой толпы, зато маг способен убить нас всех.

– Ты явился, чтобы доставить меня к шаху, – сказал маг.

– Так мне приказали, – неискренне засмеялся я. – Ты избавил меня даже от сотрясения воздуха, благодарю.

Что касается дрожи в моих костях – сказать, что я нервничал, было бы слишком слабо.

– Как верный слуга шаха, я пришел, чтобы ответить на призыв к правосудию, – сказал Вайя.

Я сообразил, что сжимаю саблю, лишь ослабив хватку.

– Откуда ты узнал, что шах призывает тебя?

– Когда я услышал о страшной резне, то сразу понял, что шах обвинит меня. Я могу поехать с тобой?

Я не смог отказать. Полагал, что Вайя хотел поговорить по дороге, но он большую часть времени провел за молитвой. Непрерывное кланье его четок было хуже дорожных ухабов. От него не несло застарелым недельным потом, как от его последователей. У него вообще не было запаха.

– Когда кончилась война за престолонаследие, я дал клятву подчиняться шаху Мураду, – наконец сказал он, когда мы уже ехали по мощеным улицам Костани. Одного конника я выслал вперед, чтоб уведомить шаха о нашем прибытии. До дворца оставалось недолго. – Мы, маги, связаны клятвами, хотя наши последователи – нет. Признаю, я предпочитал не замечать грабежи – до тех пор, пока никого не убили. Но я никогда не нарушил бы клятву и не убивал бы людей на улицах.

– Клятву. Каждый янычар дает клятву. Но это не останавливает их от мятежа.

– Я был в Балахе, когда случилась эта трагедия. Сто один человек сможет это подтвердить.

– И внезапно все они – твои последователи.

– Сотня человек не сможет одинаково лгать. – Вайя вглядывался в меня, как будто читал мою душу. – Я чувствую твои колебания... Чувствую страх. Но за всем этим я ощущаю и глубоко запрятанную печаль.

– Я не так хорошо, как ты, умею скрывать эмоции.

– Я бы никогда не причинил тебе вреда. Я же вижу твой рух, твою подлинную натуру. Ты хороший человек.

– Огонь всех сжигает – и плохих, и хороших.

Нестареющий маг пронизывал меня взглядом.

– А ты знаешь, чего я боюсь? Боюсь Лат. Боюсь ее гнева. Дня, когда ее милость иссякнет, как источник в песках пустыни.

– Как и все мы.

– Еще я боюсь Лабиринта. – Неужели маг содрогнулся? – Лабиринт – это конец всего. Вера не выдерживает касаний Ахрийи. Шах отправит меня туда, если меня признают виновным?

Я пожал плечами.

– Возможно. Почему же ты не бежал, если так боишься его суда?

– И оставить моих последователей на милость янычар?

Цоканье копыт лошадей, тащивших карету, смолкло. Мы приехали в Небесный дворец.

– Ты же веришь, что я невиновен? – спросил Вайя.

– То, во что я верю, тебя не спасет.

– Это может спасти всех нас. – Маг схватил мою руку. – С шейхой Агнеей случилось что-то ужасное. Мне было видение, в котором она шла сквозь ледяные туннели на звуки сводящей с ума песни. Я не последую за ней в ту бездну. – Он сильнее сжал мою руку. – Ты давно знаешь шаха. Помоги мне... Иначе всем вам придется самим себе помогать.

Я не знал, что делать, и, напуганный угрозой, смог лишь кивнуть.

Янычары, окружившие экипаж, оставили для нас с магом проход во дворец. Внутри толпились придворные и визири – состязались за право стоять в задней части большого зала, а не в передней. Шах ведь не хотел, чтобы все царство сгорело вместе с ним? Они расступались, когда по пути мы задевали их шелковые одеяния.

Сверху на все это глазел золотой павлин с пронзительными рубиновыми глазами. От курильниц для благовоний по залу расплзался аромат янтарного дерева. Шаха и его свиту отделяла от нас шеренга янычар, держащих наготове аркебузы. Шах сидел на золотой оттоманке, слева от него – Великий визирь Эбра, справа – Великий муфтий Тайма.

Мы прошли сквозь толпу, и маг Вайя склонил голову, как и я.

– Я привез того, кого вы просили, ваше величество, – сказал я.

– Ты был послан доставить послание шаха, а не привозить ко мне мага.

– Да, вы правы. Простите, если я рискнул взять на себя слишком много.

Шах Мурад рассмеялся, хлопывая себя по ноге. Точно так же смеялся его отец. Все визири и придворные принялись подражать ему, и зал огласился смехом.

– Молчать! – выкрикнул шах, и зал сразу наполнился тишиной. – Поглядите на этого человека! – прогремел голос шаха. – Кева Кузнец, когда-то раб из Рутении. Он убил мага и всего лишь с сорока воинами и одной выдающейся женщиной защищал Долину святых от моего брата с четырьмя сотнями. Полюбуйтесь на него все вы, утверждающие, что служите мне!

Я утер лицо и разгладил рубаху. Может быть, штаны съехали и пузо торчит? Я ведь даже глаз не умыл.

– Все смотрите на него, смотрите внимательно, не спеша, – продолжал шах. – Вот кому вы все должны подражать. Я послал его передать сообщение, а он привел ко мне мага. Вот это служба!

Шах захолопал в ладоши, и все подхватили.

Улыбнувшись, я склонил голову.

– Вы мне льстите, ваше величество.

– Это так. А теперь отойди.

Я пробрался через толпу и встал с янычарами, охранявшими выход. Мне казалось, оттуда я сумею сбежать в первых рядах, если что-то пойдет не так. Все взгляды были сосредоточены на склоненной голове мага Вайи. Зал охватило скверное предчувствие.

– Подними же голову, маг, – велел шах. Он так подался вперед на сиденье, что я уже испугался, не упадет ли он.

Вайя сделал, как было велено. Начался суд, и огромный зал притих.

Эбра выступил вперед, развернул манускрипт и откашлялся.

– Именем шаха Мурада, Величайшей звезды, шаха шахов, кагана каганов, Тени Лат и ее наместника на земле, Меча веры и шаха Сирма, ты, маг Вайя, сим обвиняешься в военных действиях против Лат, совершении актов насилия против людей, изъявлении враждебности к трону. – Он опять откашлялся, сухо, как крыса, подыхающая от жажды в пустыне. – Что ты скажешь по выдвинутым обвинениям?

– Все они довольно расплывчаты, – ответил маг Вайя. – Но я понимаю, о чем идет речь, и буду говорить только правду. Я не мог совершить того, в чем меня обвиняют.

Эбра что-то прошептал безбородому молодому придворному, и тот протянул ему другой свиток.

– Тогда уточним факты, – произнес Эбра. – Когда ты родился, маг Вайя?

– Я родился в третий день месяца Паломников, в пятый год правления шаха Байзида.

– Значит, тебе... семьдесят три, – сказал Эбра.

– Семьдесят семь, – поправил Вайя.

Толпа оживилась. Меня это не удивило. Маг, которого я убил, тоже выглядел молодым, но, когда голова слетела с плеч и упала невидимая маска, которая скрывала лицо, показались выдававшие возраст морщины и серая кожа.

– Сколько лет тебе было, когда шах Байзид отправил тебя в Святую Зелтуруию учиться на мага?

Сказать честно, к тому времени я оперся о богато украшенную колонну. Меня убаюкала летняя жара, и в ближайшие полчаса я почти не прислушивался к тому, как Эбра разбирался с жизнью, обучением и служением Вайи. Мельком я услышал, что Вайя сражался против крестесцев, помогал вытеснять их с континента Лидия, хотя никогда не ступал на континент Юна, лежавший за Тесным проливом. Маг повторял, что ему запрещено сражаться с другими латианами, вот почему он отказался участвовать в завоевании аланийских земель по призыву шаха Джаляля, отца шаха Мурада.

Я заинтересовался, когда Эбра спросил Вайю о войне за престол десять лет назад.

– Ты поддерживал брата шаха, Селима. Почему?

– Потому что шах Джаляль назвал Селима своим тайным наследником. Селим занял трон, янычары и войско присягнули ему на верность. И Великий маг Агнея решила, что мы «поплывем по течению» ради единства.

– Ты рисуешь одностороннюю картину престолонаследия, – вмешался Великий муфтий Тайма, в первый раз выступая на этом суде. Он подвинул золотые очки поближе к пронизывающим глазам. – Источник не поддержал Селима. И особенно против него был народ. Всем была известна его жестокость.

– Что тут скажешь? – ответил Вайя. – Мы все ошибались. Из-за этого погиб маг. Когда ветер переменился, мы отошли к Балаху, пока не завершился конфликт. Тем не менее мага Агнею признали виновной в измене... Признали вы, муфтий Тайма.

– И я не сожалею о том приговоре.

– Но кто защитит этот город, если все маги будут блуждать в Лабиринте?

Толпа загудела.

– Тихо! – приказал шах. – Продолжай, маг. Изложи свои доводы.

– Уже тридцать лет в Зелтуруии не обучаются маги. Если вы не вызволите мага Агнею из глубин Лабиринта, тогда я последний маг в этой стране. Так подумайте, кто станет защищать границу с Крестесом, с империей, которая выросла втрое за время вашего царствования, когда мы не расширились ни на пядь.

Повисла ошеломленная тишина. Даже птицы на крыше, должно быть, разинули клювы, услышав неприкрытую критику шаха. Это было первым моим удовольствием за день.

– Ты не так уж не прав, – сказал шах. – И я не поставлю тебе в вину эти слова и не буду до самого конца моих дней винить тебя за поддержку моего брата. Но я не могу допустить кровопролития на улицах. Все мы слышали, как свидетели говорили о человеке, охваченном пламенем. Ты последний маг в нашей стране. Мог ли там быть кто-то другой?

– Я был в Балахе, когда случилась трагедия, – сказал Вайя. – Сотня человек из святилища ожидает снаружи. Каждый подтвердит это. Они – истинно верующие, день и ночь сражающиеся за то, чтобы отрешиться от гордыни, гнева и алчности. Они никогда не солгали бы, чтобы спасти меня.

Хотя я сомневался, что сто дураков смогут лгать одинаково, я был уверен, что они попытаются. Никогда не встречал фанатиков, которые ценят средства больше, чем цели.

Шах, Эбра и муфтий Тайма совещались, а маг Вайя осматривался, изучая толпу. Он помедлил, встретившись со мной взглядом. Неужели я прочел в его глазах страх?

– Я принял решение, – объявил шах. – Таким образом, я прошу назначенного мною судью, Великого муфтия Тайму, предоставить мне вершить суд.

Муфтий Тайма склонил голову.

– Вы – источник земной справедливости. Я никогда не смог бы вам отказать.

Шах поднялся на ноги. Янычары в зале вытянулись по стойке смирно. Толпа словно затаила дыхание. Вайя говорил, что не уйдет безропотно в Лабиринт, но порочным он не казался. Хотя и Селим Жестокий, когда я впервые встретил его, сунул кусок халвы мне в рот и похлопал по спине, словно старого друга; а потом продолжил убивать сотнями.

– Мне плевать, если ты сжег этих этосиан или пару домов порока, – сказал шах. – Всего в нескольких днях пути отсюда, на острове Никсос, собралась армада крестесцев из пятисот кораблей и пятидесяти тысяч воинов. Они ждут, когда мы тут вцепимся друг другу в глотки, чтобы разграбить наши города и принудить нас поклоняться Архангелу. Возглавляет их завожатель Михей, как мне донесли шпионы, нареченный в Священном море именем Михей Железный. Он расширил владения императора Ираклиуса на север, запад и юг. Остается только восток. Ответь мне, маг Вайя, поклянешься ли ты своей бессмертной душой, что будешь сражаться с ним?

Вайя почему-то обернулся ко мне, но лицо его оставалось безмятежным, как и всегда. Я поднял брови и развел руки в недоумении. Это что за трюк? Или таково было изначальное намерение шаха?

Вайя поднял взгляд на шаха и склонил голову.

– Разумеется, о мой шах. Я живу только ради этого.

Шах спустился с помоста, встал перед магом Вайей и протянул ему руку. Маг помедлил, опять взглянул на меня. Что он хочет прочесть на моем потрясенном лице? Я кивнул так быстро, как мог, выражая одобрение. Наконец Вайя принял рукопожатие шаха. Они подняли сцепленные руки над головами.

Я присоединился к восторженным возгласам и аплодисментам толпы. Разумеется, это лучше сожжения, и я думаю, все чувствовали то же самое. Ничто не объединяет так прочно, как общий враг.

– С сего дня в Сирме все маги свободны, – провозгласил шах. – Я приказываю собрать священное войско во главе с магом Вайей для защиты единственной истинной веры от вторжения крестесцев. – Шах нашел меня взглядом. – Вот он! Кева! Иди сюда!

Я присоединился к шаху и магу возле помоста.

– Кева, ты будешь первым среди воинов.

Я склонил голову. Быть командующим – звучит неплохо.

– Как прикажете, ваше величество.

Толпа снова одобрительно загудела.

Мы втроем направились к воротам Небесного престола, где нас ожидали последователи Вайи. Они в первый раз увидели единение и соединенные руки их мага и шаха. И возликовали, запели хвалы Лат, и называли шаха Величайшей звездой. В одно мгновение он превратил враждебную чернь в свое войско. Вероятно, шах такой же мудрый, как его предшественники.

А насчет пострадавших – епископа и верующих в Архангела... Даже если бы шах отомстил за них, разве встали бы они рядом с ним против войска единоверцев? Будь я человеком расчетливым, ответил бы, что нет. Но я не такой, и, по мере того как ширилось ликование, я все больше сочувствовал тем, кто горел и страдал.

Я смотрел на почти незнакомый потолок в гостевой спальне Тенгиса, лунный свет вместе с легким ветром лился через распахнутое окно. Повернувшись на бок, я представил, что лежу на груди Лунары. Она пахла домом, и тепло ее тела текло в меня; она напевала поэму Таки:

*Внутри этого жестокого мира
Все влюбленные находят потаенное место,
Где заключают сделку
С владыкой времени.*

Я надеялся, что она мне приснится. Надеялся, что этот мир исчезнет и, когда я очнусь от кошмарного сна, она будет жарить яичницу у очага, а я – постукивать по своей наковальне и улыбаться, глядя на нее. Но внезапно некто ворвался в мою комнату, выдернув меня из грез.

– Извини! – Передо мной стояла Мелоди в платье с узором из лилий. – Ты ложишься спать раньше птиц.

– У меня был долгий день.

Я сел на лежанке.

– Да, я слышала. Ты теперь святой воин.

– Не думаю, что мне предстоит много драться. Для этого есть молодые мужчины.

– И молодые женщины.

Мелоди села на краешек матраса и ухмыльнулась.

– О нет, Мелоди, тебе нельзя в нашу армию.

– Почему нельзя?

– Ты знаешь почему. Ты еще слишком юная, а твой дед придумает новый способ сломать мне шею.

– Темур в моем возрасте прошел по Лидии с миллионным войском.

– Ты сравнила себя с величайшим из прославленных завоевателей?

– Ты считаешь, что я спрячусь или сбегу, когда придут крестесцы? Меня обучали быть янычаром, как и Лунару. Было бы предательством не сражаться.

Она говорила верно. Крестесцы придут, и кто знает, как и каким оружием они атакуют и что за уловки у них на уме. Если дойдет до жизни и смерти, никто не помешает Мелоди использовать то, чему ее обучали, и я предпочел бы, чтобы она дралась у меня под носом.

– Я об этом подумаю.

– Это все, чего я хочу.

Она чмокнула меня в лоб и ушла. Хорошо снова обрести дочь. Как огромно ее всепрощение, если, несмотря на мое десятилетнее отсутствие, она может быть такой доброй. Ведь печаль утраты рано или поздно обращается в гнев, а тот – в горечь. Все же, если забыть пощечину, дочь проявляла ко мне лишь заботу и нежность.

Я ворочался, растревоженный мыслями о предстоящей осаде. Мне хотелось схватить Мелоди и уехать в Томбор или даже в более далекую землю. Если бы это было так просто.

Я пошел в буфетную выпить кофе. Тенгис уже пил, сидя на полу, и читал свиток, держа его у самого носа. Он налил чашку и мне.

– Что ты делаешь со всеми этими книгами, свитками и астрольбиями? – спросил я.

– Измеряю фазы луны. Ничего из того, что твой тупой ум мог бы понять.

– Испытай меня, старик.

Тенгис вздохнул, словно уже устал от моего наигранного интереса.

– В ближайшие месяцы будет затмение. Я пытаюсь выяснить, когда именно.

– Что бы ни удерживало тебя от берега смерти, я только «за». – Я отпил кофе. Вот и выпался. – Кстати, о смерти. Знаешь, чего хочет твоя внучка?

Он свернул манускрипт и потер усталые глаза.

– Пришло время ей воспользоваться тем, чему ее обучали. И ей повезло, что ты будешь рядом и сможешь уберечь ее от опасности.

– Это она собирается меня защищать.

Тенгис покачал головой.

– Я же говорил: в твоём возрасте ты не имеешь права быть слабым.

– Меня делает слабым не возраст.

По полу проскользнула ящерка и защебетала. Даже у нее есть возлюбленный, есть кому петь.

– Отпусти ее, Кева. – Тенгис накрыл мою руку своей, покрытой пятнами и морщинами. – Отпусти Лунару. Ты достаточно настрадался.

– Ты говоришь так, будто у меня есть выбор. Будто я не пытаюсь вот уже десять лет.

– Ты мой сын, – ответил Тенгис, – и, пока я жив, у тебя всегда будут дом и семья. Мы с Мелоди здесь ради тебя. Ты не одинок, понимаешь?

Древний старец, чьи внимание и забота были моими первыми воспоминаниями и кто был со мной в равной мере и строг, и добр, обнял меня так, словно мне снова четыре года.

К моему стыду, я, сорокалетний, разрыдался в ту ночь на руках у отца.

4. Михей

Что может случиться между этой минутой и вечностью? Гибель рода людского, воскресение у Фонтана и суд ангелов. Кто я, как не песчинка, в сравнении с этим? Даже не песчинка, нет. Вспышка. Одна вспышка священного огня над этим грешным миром.

Были те, кто хотел погасить мой огонь, потушить до того, как он их поглотит. Можно предположить, что речь о неверующих, но среди них было много тех, кто называл себя этосианами.

Одним из них был епископ, и он сторел. А еще один поднялся на борт «Морского клинка» и вошел ко мне в каюту. Это был посланник двора из Гипериона, столицы империи Крестес.

– Император Адроникос Ираклиус Сатурнус мертв, – сказал он. – Его сын Алексис коронован как император и получил имя Иосиас, в честь апостола. Он приказывает тебе вернуться в столицу.

Ираклиус мертв?.. Когда? Где и как? Я сдержался и не задал ни вопроса. С тем, кого не знаешь, лучше не открывай.

– Ты же видел мой флот и людей. Почему я должен вернуться?

– Я всего лишь посланник императорского двора. Мне не сказано «почему», только «что».

Посланник был в бархатной тунике и с новеньким мечом в ножнах. Судя по тому, как высоко он задирает нос, – сын какого-нибудь экзарха. При дворе даже не подумали прислать человека, которого я знаю, или, по крайней мере, кого-нибудь не с такими девственно-чистыми ножнами.

– А скажи мне, как отреагировал двор, когда я сжег заживо одного из главных епископов этосианской церкви?

Он сглотнул и встревоженно посмотрел на меня.

– Было много споров.

– Значит, были и те, кто на моей стороне?

– При дворе есть такие, кто считает тебя безупречным.

– И наш новый император среди них?

Мальчишка вздрогнул и пожал плечами. Уверен, он жаждал вернуться назад, ко двору.

После долгих раздумий он сказал:

– Император Иосиас был не в восторге от того, что ты сделал с епископом.

– Значит, я подвергнусь суду, если отправлюсь назад? Звучит весьма привлекательно. – И я испустил долгий глубокомысленный вздох. – А передача престола прошла гладко?

– Весь двор был за Иосиаса. Как старший сын, он настоящий наследник.

– Я рад это слышать. Передай Алекси... Иосиасу, что я скоро с ним встречу.

Я отправил посланника и расслабился в кресле из бархата и железа, позаимствованном из сокровищницы дожа Диконди. «Морской клинок» чуть покачивался на волнах прилива, убаюкивая меня. Я спихнул со стола связку карт и водрузил туда ноги. Редкий день – стать свидетелем конца эпохи, конца императора Ираклиуса. Одни звали его героем, другие ненавидели. Я налил в кружку лимонный сок с медом и отхлебнул. Теперь, когда император скончался, сок казался вкуснее. Этот напыщенный идиот не присвоит больше славу моих побед. Но вкус портило понимание, что сын, скорее всего, будет еще хуже.

Дверь со скрипом открылась. Появился Джауз, мой главный механик, по его бровям стекал пот.

– Дело сделано, Великий магистр. Флот готов выступить к Тесному проливу.

Я поднялся с кресла, в восторге от этих слов.

– Я давал тебе две недели, ты управился за десять дней. За тобой будет право первого выбора из шахской сокровищницы.

– Благодарю тебя, Великий магистр. – Он просиял так, что кончики усов коснулись ушей. – Может, я бы лучше выбрал кого-нибудь из гарема? Говорят, там собраны кошечки со всех концов света.

Сама мысль о дворце, полном рабынь, с которыми распутный шах совокуплялся, когда пожелает, была мне противна.

– Они все рабыни. Я освобожу каждого, кто примет веру в Архангела... Все прочие будут осуждены. Никто из нас их не возьмет.

Джауз разгладил ухоженные усы.

– А не будет более милостиво позволить мне позаботиться о тех, кто не примет твою веру?

– Я действую не из милосердия, а ради справедливости. – Я хлопнул по жирной мухе, гудящей в комнате. На «Морском клинке» их полно. Не попал. – Но ты, Джауз, неверующий и заслужил награду. Я позволю тебе выбрать одну женщину. Но тебе придется на ней жениться. Мы в империи не берем рабов.

– К сожалению, я вряд ли буду хорошим мужем.

– Почему это?

– Я уже женат на тебе.

Его живот заколыхался от смеха. Я тоже улыбнулся.

Наступило время проверять флот, готовить людей, убедиться, что у нас хватит припасов для захвата Костани. Но сначала я должен был увидеть Ашеру.

Я взял фонарь. Всю ночь я трудился над планами, поэтому фитиль торчал над воском. Я обрезал его, а потом зажег с помощью кремня и стали.

Ашера по своей воле осталась в корабельном трюме и уже не притворялась, что ест блюда, которые я ей посылал. Ведра с водой для умывания и питья оставались полными. Она хотя бы спит?

С тех пор как я усилил железом корпус корабля, дневной свет не проникал в глубь трюма. Что же она делала там, в темноте, помимо молитв своему богу?

Мерцающий свет фонаря осветил ее, сидевшую в углу, шепчущую молитвы на плавно льющемся языке, звучавшем как парамейский – язык религии Лат, на котором в основном изъясняются в Аланье. А еще на нем говорят моряки с Эджаза. Но неважно, о чем она молится: у фальшивых богов ответа не получить.

– Михай Железный, – сказала она. – Ты готов?

– Я готов уничтожить твою страну и забрать нашу святую землю обратно, – усмехнулся я, не боясь колдуньи, которая до сих пор показывала единственное умение – перемещать железный шар по полу. Я поднес фонарь прямо к ее лицу. – Знаешь, половина моих людей говорит, что тебя надо сжечь заживо, а другая – что утопить.

Не дрогнув и не моргнув, она оттолкнула фонарь.

– А что говоришь ты?

– Говорю, что ты слишком интересна для всего этого.

– Ты уже влюбился в меня?

Она не улыбнулась при этих словах.

Но я не сумел сдержать смех.

– Может, и влюблюсь, если ты когда-нибудь улыбнешься.

– А чему улыбаться?

– Всему! Ветру, морю, кричащим чайкам, кряканию уток – это все сад Архангела. Разве можно им не восхищаться? Разве он не делает нас счастливыми?

– Если все это делает вас счастливыми, для чего тебе Костани?

Может, ей и нравилось это темное место, но мне – нет. Темноту любят Падшие ангелы. Они упиваются темной водой из темных источников. Эта женщина, омытая тьмой, призывала их шепот.

– Ты бледна, как мышь-альбинос. – Я махнул ей, чтобы следовала за мной. – Тебе нужно немного солнца.

Мы поднялись на палубу. Отсюда можно было наслаждаться видом залитых солнцем холмов или армады, выстроившейся у береговой линии. Мои пятьдесят тысяч воинов трудились, погружая припасы. С помощью тросов на корабли поднимали деревянные ящики, наполненные едой, пушечными ядрами и порохом. Самые сильные люди таскали на спинах бочки с водой.

Когда мы с Ашерой прошли мимо, кучка моряков-эджазцев начала перешептываться. Когда мы нашли ее в титановых копьях Эджаза, они говорили, что она маг. Ее лицо было «юным и сияющим, подобно полной луне, и бесстрастным – как у всех магов», так они мне сказали. А крестесцы, мои товарищи, говорили иначе: «Пожирательница тьмы. Неверная. Проклятая».

Но соленый воздух очищал меня от подобных мыслей. Кричали чайки, и ветер трепал волосы.

Ашера все еще была в сером рубище и желтом шарфе, в которых мы ее захватили. Я уже заказал портному платья для нее и надеялся, что в них она будет выглядеть лучше. Я приблизился к ней, и мы стояли на носу, глядя на восток, где лежали три царства неверных латиан. Сирмом, Аланьей и Кашаном правили двоюродные братья, потомки Селука Разрушителя. Я хотел покарать их семью за то, что они сделали с моей.

Ашера спросила: «Для чего тебе Костани?»

То был мост между континентами Юна и Лидия и врата на восток. Город не покорялся никому триста лет, с той поры как завоеватель Утай с помощью Падших ангелов перенес свои корабли через горы, чтобы избежать семи морских стен, из-за которых невозможно пересечь Тесный пролив. Вот почему большинство завоевателей осаждали Костани с суши... Только лучше ли это?

Осада – испытание для души. Мы шесть лун стояли вокруг железных стен Пендурума, и я лишился там половины людей. Никогда не забуду обледенелые мертвые тела: на их лицах навсегда застыло страдание. И тысячи тех, кого пришлось сжигать в яме, потому что черви поразили их чрева; и то, как разлетались руки и ноги людей от каждого пушечного удара. День и ночь мы дышали серой и дымом, были рады рыбной пасте на куске черствого, как камень, хлеба.

В ночь, когда бомба Орво разрушила железные стены, луна стала багровой. Наша вера учит, что затмения несут чудеса, и Орво принес нам чудо. Его саперы прорыли туннель под стеной, зажигательная смесь взорвалась так, что фундамент рухнул, металл расплавился и день обратился в ночь. Но подобное чудо не сработает для Костани. Ее стены углубляются в землю, как айсберг, и саперной работой их не взорвать, если только не пробить самые твердые земные слои.

Мои люди называли Ашеру пьющей тьму. Я надеялся, что они правы. Только Падшие ангелы знают путь через Лабиринт. Если в непроглядной темноте трюма они шептали ей об этом, то мне нужно это узнать, ибо иногда нечестивые методы могут быть полезны для святой цели.

– Можно рассказать тебе одну историю? – спросил я.

Пока она старалась повязать на голову желтый шарф, пряди пепельных волос падали ей на лицо. Я еще не видел ее такой человеческой.

И я начал:

– Жил один человек по имени Лен, он владел постоянным двором. Как-то раз к нему забрел проголодавшийся странник, нуждавшийся в приюте и пище. Но у странника не было

золота, и Лен не принял его. Следующей ночью пришел еще один, такой же, Лен отказал и ему. Так происходило еще девять ночей, и Лен всех гнал прочь. Но на двенадцатую ночь явился двенадцатый усталый странник и сказал Лену, что это он, ангел Сервантиум, посылал их – испытать его. Он поведал трактирщику, что каждую ночь новый ангел являлся к нему и ни разу он не выдержал испытания. Это были Двенадцать ангелов. Но Лен не поверил Сервантиуму. Он потребовал доказательства – знака. И тогда Сервантиум и Двенадцать ангелов появились на горизонте в подлинном виде. У Двенадцати ангелов в белых перьях были тысяча глаз и сотня крыльев с золотыми и белыми перьями. Сам Сервантиум имел пятьдесят крыльев, каждое величиной с гору, и двадцать ярких, как луна, глаз. Было не понять, где заканчивается один ангел и начинается другой, – таковы были их небесные формы. Они пели гимны на языке, неизвестном Лену, но каким-то образом понятном его душе. Он раскаялся, и с того момента до самой смерти посвятил себя Ангельской песне.

Ашера смотрела на меня не моргая. Взгляд зеленых глаз был так глубок, что в них можно было утонуть.

– И ты хочешь, чтобы я показала тебе знамение... Доказала, что я та, кем себя называю.

– В доказательстве нуждались даже апостолы, разве нет?

– Не двигайся.

Ашера приблизилась. Ее дыхание отдавало медом. Она коснулась моего лба. Я отстранился.

– Что ты делаешь? – возмутился я.

– Показываю тебе.

Я не шевелился, и она уколола ногтем мой лоб.

А потом улыбнулась, ее щеки порозовели.

– У тебя есть дочь.

Откуда она узнала? Я хранил эту тайну глубоко в сердце. Не сказал даже самым верным соратникам, потому что предпочитал сочувствию уважение.

Ашера опустила веки, но глазные яблоки продолжали двигаться, как у спящей.

– Утром, когда их корабль пришел к вашему городу, была гроза, шел дождь. Они опустошили постоялый двор и нашли Эларию, когда та спала. Ты бежал за ними через болота, но у тебя не было даже меча. И они посмеялись над тобой, столкнули в море и ушли на веслах.

Броня моего стоицизма рассыпалась. Я, разинув рот, смотрел на Ашеру, пораженный подробностью описания. Кто-то умный мог догадаться, что у меня была дочь, но откуда ей известно так много? О погоде в тот день. И о том, как смеялись работорговцы.

– Это невозможно. Ты не можешь этого знать. Это выше человеческих сил.

Ее глазные яблоки быстро задвигались, а дыхание участилось.

– Твой отец... Постоялый двор... Огонь... Клинок... Черный легион... Семпурис... Ираклиус... Саргоса... Пасгард... Пендурум... Диконди... Эджаз...

Щеки Ашеры побелели. Она открыла глаза, а потом закрыла их и повалилась вперед. Я успел ее подхватить, прежде чем она упала бы на палубу.

Я отнес ее в свою постель – просто уголок в моей каюте, и жесткий, как пол, но там были одеяла, чтобы ее согреть. Равнодушное море смотрело через иллюминатор – то же море, по которому плыли работорговцы, увозившие мою дочь Элли много лет назад.

Я сидел рядом с Ашерой, когда в комнату заглянул толстощекий Беррин.

– Как боевой дух? – спросил я.

Он зашел, прикрыл за собой дверь и сказал приглушенным тоном:

– Посланники двора распространили весть, что император Ираклиус мертв. Люди потрясены. Ходят слухи, что наследник императора, Иосиас, объявит тебя предателем.

– Не объявит, если возьмем Костани.

– Все мы верим, что победим, но осада продлится месяцы, даже, может быть, годы. А без пополнения припасов и подкрепления от империи...

– А что говорят люди?

Я указал ему на свое железное кресло, а сам встал и прислонился к столу.

– Что нам следует вернуться в Гиперион, завоевать расположение Иосиаса и продолжить потом, с его благословением.

Беррин расположился в кресле по-царски, как шах. Мягкость, широта и комфорт кресла будто созданы были для его благородного сложения. И напрасно тратились на простолоудина вроде меня.

– Нет... Преимущество будет потеряно. – Я недовольно хмыкнул. – Шах поставит сто тысяч у своих стен. Вероятность победы превратится из малой в нулевую. Мы ударим сейчас или никогда.

– Смерть Ираклиуса – дурной знак. – Всякий раз, когда Беррин говорил, он морщил лицо так, что брови изгибались почти до глаз. – Я так же сильно, как ты, хочу взять Костани. Даже больше, чем ты. Но у нас на это всего один шанс, и я не стал бы тратить его сейчас. Флот может захватить другие берега. Эджазцы говорили, что в Аланье есть города, где пренебрегают укреплением стен. Вероломный Растерган тоже созрел для захвата.

Я подумал о своей дочери Элли, о ее пухлых щечках. Подумал о работорговцах, которые схватили ее той ночью и ругались на сирмянском, сбрасывая меня в море. После стольких лет ее не спасти. Я не знаю, как она теперь выглядит, она не знает, откуда родом. Я могу лишь покарать тех, кто ее выкрал, искоренить мерзкое правление, при котором покупаются и продаются души.

– Существует лишь один город, – ответил я. – И этот город – Костани.

– Если такова твоя воля, Великий магистр, значит, я с тобой. – Беррин поднял брови, указывая на Ашеру. – Что с ней произошло?

– Она улыбнулась.

На круглом лице Беррина отразилось изумление. Его кустистые брови указывали на потолок, годами не крашенный и теперь шелушащийся.

– Я видел несколько магов, когда жил в Сирме, но ее не узнаю. Люди говорят, она приносит несчастье. И что это ее молитвы убили императора Ираклиуса, а ее колдовство заставило тебя сжечь епископа.

– Суеверные речи – ересь. И молитва неверного силы не имеет. А епископа я сжег, потому что он был мерзавцем. – Я попробовал налить из кувшина в кружку лимонного сока, но там оставались лишь капли. Больше я ничего не мог предложить своему первому помощнику. Такая негостеприимность не к лицу Великому магистру Черного легиона.

– С каких пор «мерзавец» – достаточная причина сжигать священника?

– Священник или крестьянин, простолоудин или вельможа – я смету всякого, кто встанет на пути к нашей цели.

Беррин глубоко вдохнул, как всегда, когда собирался сказать что-то неприятное. И резко выдохнул.

– Мы можем поднять паруса в любой момент и направиться куда угодно. И в Костани, и в Аланью, и в Гиперион. Ты же знаешь, что я последую за тобой. Но ты приказал мне быть честным, и я должен сказать, что в Костани дверь закрывается. Сумеет ли перенести корабли через гору, как когда-то Утай?

Я не нашелся, что ответить.

Беррин поднялся и направился к двери.

– Я прислушаюсь к тому, что говорят люди, и передам тебе. Что бы ты ни решил, я с тобой до конца.

Он закрыл за собой дверь, оставив меня наедине со спящей колдуньей.

Бледное лицо Ашеры не выдавало никаких чувств. Под опущенными веками ничто не двигалось – значит, сон ее был спокойным и без видений.

Но почему она очнулась, задыхаясь? И взмахнула руками, как будто тонула и пыталась удержаться на воде.

Я взял чистый носовой платок из сундука и промокнул пот у нее на лбу.

– Что ты видела?

– Дождь, который затопит весь мир; капли, черные, как деготь.

Я тонул во сне много раз, больше, чем могу сосчитать. Это точно один из самых неприятных способов умереть.

– А ты улыбнулась мне, помнишь?

Она взяла мою руку и приложила к щеке – холодной, как сталь в ледяном море.

– Скоро мы должны уходить, – сказала она. – В Лабиринт.

Я убрал руку, пока та не застыла совсем.

– Ну, допустим, мы с сотней моих лучших людей войдем в Лабиринт. И, допустим, выйдем с другой стороны, под Небесным дворцом. Возьмем морские стены, расчистим путь. Но дождется ли нас армада? Или, боясь гнева императора, не подчинится мне и уйдет в Гиперион?

– Чтобы взять Костани, тебе не нужны пятьсот кораблей и пятьдесят тысяч человек. Хватит одной сотни кораблей и десяти тысяч воинов. Возьми только самых верных. Остальных отошли назад.

Я покачал головой.

– Пока мы с тобой говорим, посланцы двора сеют смуту в моих рядах. У большинства воинов есть семьи. Они все из разных провинций империи, каждая из которых управляется вельможей или экзархом. Хотя воины и служат мне, вельможи подчинены императору, а это значит, что семьи принадлежат ему. Никто из воинов не хочет предать меня, но они не могут предать свои семьи. Когда речь идет о таком выборе, нельзя рассчитывать ни на кого.

Ашера смотрела в иллюминатор у меня за спиной.

– Костани падет за день.

– А мои люди об этом знают? – Я поднялся и зашагал взад-вперед. – Они ждут, что осада Костани продлится месяцы, а то и годы. Все они – бывалые воины. Мы разрушили множество стен пушечным огнем, храбростью, стойкостью и жертвами. А колдовством – ни одной. Почему они должны верить? Почему должны пойти за мной?

Она с трудом села, и пепельные волосы упали ей на лицо.

– Значит, хочешь, чтобы я заполнила горизонт, как ангелы для апостола Лена?

– Не для меня. Для них.

– У меня нет сил, кроме тех, что дает она.

– Ты такая слабая?

– Слабая? – В ее глазах мелькнуло негодование. – Ты ничего не знаешь о колдовстве.

– Отец пугал меня сказками о магах Востока. – Я сел на кровать рядом с ней. Даже одеяло было холодным. – Маг Гафар приказал своим демонам принести ему троны всех царей мира. Но ангел Принципус защитил трон императора, чем разгневал мага и орду его демонов. Они вторглись, чтобы забрать трон, однако верующие с помощью ангелов изгнали мага и его демонов в преисподнюю.

– Маги из легенд могли приказывать джиннам. Я – нет.

– Тогда мы возвращаемся в Гиперион.

– Если ты возвратишься в Гиперион, Крестес никогда не вернет Костани. До тех пор, пока луна не расколется, а мир не обратится в пепел.

– Дай нам причину следовать за тобой. – Я схватил ее за плечи и сейчас же отпустил из-за жгучего холода. – Дай причину верить. Отступить от императора и сделать невозможное. А иначе ничего не получится.

– Вера, Михей.

– Если веры было недостаточно для апостола, значит, недостаточно и для моей армии.

Мне показалось, что я все-таки уловил тень эмоций у нее на лице. Ее щеки чуть напряглись, а зрачки на волосок расширились.

– А твоя дочь? – произнесла Ашера. – Ты позволишь ее похитителям остаться безнаказанными?

– Ты считаешь, я делаю это ради нее?

– А ради чего?

– Ради Архангела.

Я всегда так говорил и надеялся, что так и есть. Но любовь к ангелам в моем сердце состязалась с ненавистью к сирмянам и их гнусной вере. Я надеялся, что праведная ненависть тоже может быть святой.

Ашера покачала головой, и пепельные волосы опять упали ей на глаза.

– На самом деле никто ничего не совершает для бога.

– Ну а ты? Для чего тебе помогать мне захватить твой народ?

– Я – исключение. Я делаю это только для бога.

– И какого бога?

Она дотянулась до моего уха и прошептала:

– Для единственного, которого я видела.

Я вернулся на палубу своего огромного галеона – обшитого железом морского монстра, потопившего бесчисленные галеры, в том числе и галеры дожа Диконди и изумрудных пиратов Эджаза. Я прошел под хлопающими черно-красными парусами мимо пушек, на нос, где была установлена фигура ангела Цессиэли с четырьмя расположенными ромбом глазами. Капитаны кораблей и офицеры собрались на пристани. Беррин спорил с ними, а они требовали встречи со мной. Я ступил на нос, и при виде меня все затихли. Даже чайки.

Во главе собравшихся был Зоси, мой шурин. Потеряв его, я потерял бы всех. Когда-то он набросился на меня с копьем – в тот день, когда я взял замок его отца. Я сломал копье, врезал щитом ему по лицу и бросил его в подземелье. Я держал его там две луны. А когда пришел посмотреть на пленника, он молился. Вши кишели на его голове, а ноги распухли от оков, словно спелые дыни. Но он не потерял веру в милость Архангела.

Я стал вестником этой милости, убедив императора Ираклиуса простить его семью, хотя сестер Зоси император оставил при дворе на случай, если Пасгард восстанет, и выдал их замуж за мелких дворян. Кроме Алмы, на которой женился я. Даже после того как она скончалась от оспы, Зоси никогда меня не подводил. Но теперь он стоял во главе толпы, собиравшейся бросить мне вызов, и в глазах у него были сомнения.

Я лизнул палец и поднял в воздух. Его охлаждал восточный ветер.

– Я солгал всем вам! – крикнул я.

Толпа загудела. Все что-то говорили друг другу.

– Вы думали, что я святой воин, оружие Архангела. Но я не таков.

Из толпы послышались крики. Вероятно, посланников императора.

– Я убивал, потому что хотел, или из ненависти, или потому что наслаждался убийством. Я не делал ничего ради Архангела.

Они замерли и замолчали – возможно, от потрясения.

– И я хочу снова убивать. На это много причин, но одна превыше всего. Боль.

Зоси смотрел на меня, как я когда-то смотрел на зарезанного отца, – глазами, полными печали и страха.

– Боль из-за той правды, которую я от вас скрыл. За много лет до того, как я научился владеть мечом, я стал отцом красивой девочки, рожденной в месяц ангела Цессиэли.

Даже круглое лицо Беррина покраснело от любопытства.

– Ее имя было Элария, но я называл ее Элли. Она родилась вне брака, от женщины из ближайшего монастыря, которая дала обет безбрачия в служении Архангелу.

Мои люди вряд ли сдерживали свое естество. Они насыщались, но считали, что я выше этого.

– Я нагромождал один грех на другой, однако был благословлен девочкой, больше похожей на ангела, чем на человека.

Людей собиралось все больше. Армия морем разливалась по причалу.

– Но мои грехи не остались без наказания. Однажды ночью, пока я спал, ее похитили. Работорговцы, укравшие мою дочь, носили на тюрбанах изображение сабли под солнцем – знак Хайрада Рыжебородого, он и по сей день адмирал крупнейшего флота Сирма.

Брат шептал брату, распространяя историю по толпе тем, кто стоял слишком далеко, чтобы слышать.

– Рыжебородый идет на защиту Костани с тремя сотнями кораблей. Мы выманим его в открытое море и уничтожим. Положим конец рабству в этих водах. Я знаю, что вы не хотите осаждать Костани. Император зовет нас обратно, и я намерен подчиниться. Но все же давайте сразимся в еще одной морской битве.

Раздались одобрительные возгласы. Я поднял руку, чтобы заставить всех замолчать.

– Я буду до самой смерти каяться в своих грехах. Но не словами. – Я посмотрел на воинов. Их глаза горели восторгом. Они поглощали мои слова. Они в меня верили. – Я всегда призывал вас сражаться за Архангела. Сражаться за империю. Сражаться как крестесцы и этосиане. Сегодня я призываю сражаться по всем этим причинам – и еще по одной. Это моя последняя битва. Сразитесь ли вы за меня?

Я чувствовал отвращение к тому, как использовал потерянную дочь, чтобы сплотить людей, и не стал дожидаться одобрительных возгласов. Элли не должна служить опорой, но какой был выбор? Все те же старые речи о сражении за страну и веру не побудили бы их к попытке совершить невозможное. Но воевать за лидера, который не взял из сокровищниц Диконди ничего, кроме железного кресла, и которого все время, что они его знают, грызли стыд и боль из-за потери незаконнорожденной дочери, – в этом звучали победные колокола.

Я возвратился в свою каюту.

– Воодушевляющая речь. – Ашера сбросила одеяла на пол и теперь сидела на кровати, скрестив ноги.

– То была ложь. – Я налил себе воды. Предложил ей, но она покачала головой. – Работорговцы не носили его эмблему, и Рыжебородый слишком хитер, чтобы сражаться с нами в открытом море.

– И все же это было правдиво как никогда. Когда я уколола твой лоб, то увидела твою жизнь от рождения и до сего дня. Ты ведь по-настоящему любил ее, да?

– Любой мужчина любил бы свое дитя.

– И ты любил ее мать, и своего отца, и всех ваших соседей. В тебе ничего не было, кроме любви, пока все это не обратилось в ненависть.

– Довольно. Собирайся с силами, Ашера. Мы возьмем самый быстрый корабль и сотню самых лучших воинов и поплывем в Эджаз.

– Нам незачем идти в Эджаз. – Ашера легла на живот, потом положила голову на кулаки и устремила на меня взгляд горящих изумрудным огнем глаз. – Лабиринт извивается под землей. Его ходы, как щупальца кракена, дотягиваются до всех стран. Один из входов – всего в нескольких милях от сюда.

– И это значит...

– Что мы можем быть в Костани завтра.

– Флот не дойдет туда за несколько дней. Нам нужно спланировать все так, чтобы сделать это одновременно. – Я отхлебнул воды, вытер губы. – Почему просто не провести через него все войско?

– Потому что только сильнейшие могут выжить в Глубине. – Ашера встала с кровати и подошла ближе. Меня коснулось ее медовое дыхание. Приятно ли ей? Я оттолкнул бы ее, будь мне неприятно, или застыл бы от прикосновения. – А теперь представь себя на высоком троне Костани, – прошептала она.

5. Кева

Хайрад Рыжебородый ехал во главе процессии на слоне с блестящими бивнями. От каждого слоновьего шага трескалась брусчатка. Мелоди радостно тарасилась на них и чуть не попала под копыта; я оттащил ее с улицы, пока не затоптали. За слонами шли поджарые кашанские лошади с шелковистыми хвостами – самые быстрые в мире. Когда появились фургоны с сокровищами, зеваки заохали.

Я восхитился железным гробом, покрытым магическими рунами. Говорили, что в нем покоится тело святого Аскарли, который восстанет в дни Великого ужаса. Но еще сильнее потрясали песочные часы, в которых песок сам перетекал наверх, чтобы не было нужды их переворачивать. Вот бы и жизнь была такой. А больше всего мне нравились груды абистранских манго, которые, если приправить их уксусом, устраивают на языке потрясающий танец из кислого и сладкого.

Последними везли рабов. В железных клетках стояли люди с красной кожей, как будто вечно румяные. Волосы у белокожих женщин из Страны вечных льдов Темз были яркими, как снег. А еще там были жители Химьяра, чья темная кожа мерцала, как оружейная сталь. На невольничьем рынке будет многолюдно.

Как и в Небесном дворце. Хайрад Рыжебородый слез со слона и вошел, склонив голову, в тронный зал. Он был достоин легенды о нем – весь увешан драгоценностями и безделушками из самых дальних уголков света. А когда улыбался, зубы отражали свет в пяти цветах. Но шах Мурад был не в настроении лицезреть эту помпезность. К тому времени как глашатай Хайрада закончил речь, уже собрался военный совет.

– Я не брошу свой флот навстречу Михею Железному, – сказал Хайрад, сидя на полу перед шахом в тронном зале. – Это глупо.

– Ты годами избегаешь встречи с ним, вот почему он стал так силен. Зачем вообще ты явился? – Только на шаха не произвели впечатления этот спектакль и легенда о Рыжебородом. – Чтобы тщеславно выставляться на улицах города?

– Пусть он осадит Костани, – ответил Хайрад. – Пусть окружит город. Я прикончу его со своих быстроходных галер. Велите конным лучникам-забадарам ждать за горами Зари-Зар. Я привел еще пятьсот лошадей, лучших во всем мире и на небесах.

По лицу шаха растеклось царственное негодование.

– Император будет пополнять припасы по мере того, как мы – истощать их.

– Вы разве не слышали? – улыбнулся Хайрад и гортанно расхохотался. – Император Ираклиус отправился к своим ангелам.

Все собравшиеся, включая меня, охнули. Если это правда, Крестес лишился одного из величайших императоров. Человека, которого, как мне казалось, я хорошо знал, хотя он и стоял на другом конце пропитавшегося кровью и взрыхленного воронками поля боя.

– Хвала Лат! – сказал шах. – И как же сдох этот древний кусок дерьма?

– По официальной версии, в постели. Хотя до меня доходили слухи о настойке из болиголова.

Шах нахмурился и медленно кивнул, словно воскрешая горькие и в то же время сладостные воспоминания.

– Мой отец всегда его проклинал. Сколько бы крестеских армий он ни разгромил, Ираклиус Ненавистный всегда собирал еще одну. И еще одну. И еще. «Почему его народ не восстанет? – задавался вопросом отец. – Как у него еще остаются люди, чтобы засеять поля?» Но он не понимал, насколько фанатичны крестесцы. Когда заканчивается еда, их животы заполняет вера. Вот бы и у нас было так же. Вот бы вера сирмян в Лат была настолько же питательной.

– На трон претендует его старший сын Иосиас, – сказал Хайрад, поглаживая одно из своих многочисленных колец, – и Михей у него не в фаворе. Иосиас оскорбился, когда Михей сжег епископа, окунувшего его самого в Священное море. Мы можем воспользоваться их разногласиями и подписать мирный договор с Иосиасом в обмен на права для паломников и священные реликвии.

Шах фыркнул.

– Мирный договор? Стал бы Темур заключать мирный договор? А мой отец? Не может быть подлинного мира между сирмянами и крестесцами. Мир – это лишь прикрытие для подготовки к новой войне. И вот, после десяти лет мира, война уже здесь. Думаешь, император все бросит ради прав для паломников, которые мы уже ему дали? У него будут все права, когда город окажется в его руках.

И все же, не считая набегов Рыжебородого на крестеские города, шах никогда не воевал с Крестесом. А Рыжебородый устраивал набеги под собственным флагом, не под знаменами Сирма или шаха. Я начал замечать трещину в фасаде шаха – от сердца ли он говорит такие жесткие слова или только на публику?

– Это удачная мысль, – хрипло сказал Эбра. – Не стоит писать напрямую Иосиасу. Вместо этого напишем патриарху Лазарю, предложим ему контроль над несколькими священными местами и возвращение реликвий. Что угодно, если взамен Михея объявят еретиком. Нет лучше способа покончить с осадой, чем перерезать пуповину.

Шах кивнул, но тут же снова вздернул голову.

– Ладно, это хороший дипломатический ход.

– А как насчет запасов еды? – вмешался я.

Никогда не забуду, как мы голодали в Растергане. Чтобы утихомирить всепоглощающий голод, мы обсасывали крысиные кости.

– Рыбы плачевно мало, но запасов зерна в подземных хранилищах хватит, чтобы два года кормить весь город. Пока мы здесь разговариваем, приводят в порядок мельницы.

Неплохо. Я прислушивался к обсуждению плана сражений. Армия перекопает улицы, и пушечные ядра будут зарываться в землю, а не дробить камень. Михей окажется у ворот не раньше чем через пару недель, – хватит времени, чтобы запастись оружием и ядрами. Если понадобится, армия эвакуирует портовый город Демоскар и сожжет его вместе с окружающими полями, чтобы Михей не устроил там базу.

Паладины Михея носят хорошие доспехи и вооружены аркебузами – лучше всего сражаться с ними на расстоянии, вымотать их, так что за пределы городских стен будут выходить только конные аркебузиры и лучники на самых быстрых кашанских лошадях.

Рыжебородый будет держать на плаву несколько мелких и проворных галер около морских стен. А основной флот, с галерами побольше и трехмачтовыми барками, будет поджидать чуть дальше в море. Если Михей подберется слишком близко, флот его окружит. Даже тысяча боевых кораблей не пробьется через морские стены. Михею придется повторить чудо, сотворенное Утаем, и перевезти корабли через горы.

Мелоди тренировалась под полуденным солнцем с последователями Вайи, вступившими в нашу священную армию. Я сел на скамью в тренировочном дворе, потягивая сок из банки абистранских манго в уксусе, и смотрел, как Мелоди укладывает воинов ураганом ударов и уколов своей затупленной сабли. Это было нечестно. Ее готовил Тенгис, а они были всегo-навсего набожными людьми, которые пили странный чай. Я был для них более подходящим партнером, но мне не хотелось тренироваться. Какой прок от еще одного воина, когда нас осаждает сотня тысяч?

– Папа!

У моих ног клацнула сталь тупой сабли. Мелоди расплылась в улыбке и переступила через какого-то бедолагу.

– Потренируй их с копьями. – Я отбросил саблю и взял из оружейной стойки деревянную палку. – Мечник должен быть в три раза более умелым, чтобы победить копейщика.

Я крутанул копьё и рассек им воздух. Мои движения были медленными, но сноровка никуда не делась.

– А разве аркебуза не лучше? – Бедолага поднялся с земли и отряхнул пыль со штанов. – Точный выстрел в один миг убьет любого.

Юноша с каштановыми волосами и желтыми зубами был более мускулистым, чем остальные.

– Точный выстрел – да, – ответил я. – Но требуется время, чтобы перезарядить аркебузу. В рукопашной стоит один раз промахнуться, и ты труп. Я никогда не чувствовал себя обделенным, не имея при себе аркебузы. И, кстати, во время правления шаха Джаляля Громовержца я защищал осыпающиеся стены Растергана с одним лишь копьем; правда, здоровенным...

В том сражении дрался и император Ираклиус. Мы далеко углубились на территорию Крестеса и опустошали город за городом. Но через год Ираклиус собрал такую огромную армию, с какой мы еще не сталкивались, и отвоевал все потери. Кроме Растергана.

Местные жители были этосианами. В центре города на всех взирала стальная статуя Архангела. У него было одиннадцать крыльев, пять справа и шесть слева, и одиннадцать рук, в обратном порядке. Я всегда считал, что в этосианской религии главное число – двенадцать, как у нас – восемь, так куда же тогда подевались двенадцатые крыло и рука?

Растерган обстреливали из бомбард. За неделю Ираклиус разрушил достаточно большой участок стены, чтобы войти в город. Между нами и сорока тысячами паладинов не осталось ничего, кроме наших копий. А если бы они прорвались, погибли бы не только мы, был бы убит и шах Джаляль.

Невозможно избавиться от вони трупов, громоздящихся, словно башня. Дерьмо, кровь и костный мозг поджариваются, приправленные пороховой серой. Предсмертные крики и топот несущихся на тебя лошадей ужасают, только если ты еще не оглох от пушечных выстрелов. Ираклиус бросил в атаку на стену десять тысяч рыцарей в тяжелых доспехах, но мы, со щитами в два пальца толщиной и копьями длиной в два человеческих роста, отбивались от них шесть лун, пока благословенные дожди не вынудили их отказаться от осады.

С опытом приходит понимание, что у каждого оружия своя задача. Аркебуза может свалить самую быструю лошадь. Летящие под идеальным углом стрелы осыпают огненным дождем вражеский лагерь. В рукопашной лучше всего сабли, но, если держаться на нужной дистанции, труднее всего одолеть копьё.

Очаровав их своим рассказом о крови и храбрости, я выдал всем копьё. Мелоди я решил оставить саблю в надежде, что они бросят ей вызов.

– Обе руки на копьё! – скомандовал я. – Ноги шире и вперед!

Они забавно держали копьё у головы или у живота.

– Прижмите копьё к груди, под нужным для атаки углом. Напирайте всем телом, но не переусердствуйте.

Мы с Мелоди муштровали их под полуденным солнцем. Я вспоминал слова шаха: «Мир – это болезнь». Каким образом им удалось избежать боевой подготовки? На дом наслаждений можно напасть, просто яростно размахивая дубинкой, но стоит лишь столкнуться с крестеским паладином, не имея должной выучки, и ты покойник.

Тренируя их, я впервые ощутил себя нужным в Костани. У меня появилась цель. Если я не могу быть воином, то стану командующим.

Позже мы с Мелоди, истекая потом, отправились искать местечко попрохладнее.

– Я знаю одного торговца, который смешивает мед со льдом и яблоками. – Мелоди сбросила кольчугу и накинула на плечи полотенце. – Как будто бог помочился прямо в рот!

– Лат всемогущая, какой извращенец научил тебя этой фразе?

– Дедушка, наверное, а что? – Она вспыхнула. – Идем!

Я никогда не пробовал божью мочу, поэтому возражать не стал, и Мелоди потащила меня дальше.

Мы сидели на каменной набережной у Тесного пролива, разделив чашу сладкого льда. Над проливом возвышались семь морских стен – настоящая плавучая крепость с бесчисленными пушками. Каждая морская стена соединялась с береговой стеной, а та – с Небесным дворцом. Чтобы взять город, пришлось бы взять морские стены, высадиться на набережной, преодолеть стену, обращенную к проливу, а затем с боем пробиваться к дворцу. Но корабли, пытавшиеся миновать столбы, на которых держались морские стены, обстреливались из пушек. Если бы корабли разрушили стены, путь преградили бы обломки. Преодолеть оборону с моря было невысказано.

На континенте Юна, лежащем по ту сторону пролива, касались облаков горы Нокпла. Каким образом Утаю удалось перетащить через них корабли до другого конца пролива? Это тоже было невысказано, даже в большей степени, и Утай унес секрет с собой в могилу.

Мелоди жадно пожирала сладкий лед, я же его чуть коснулся. Мне никогда не нравилась чистая сладость. Даже поэты предпочитают смешивать сладость с горечью. После сладкой любви следуют горькая разлука и кислое уныние одиночества. Даже любовь Лат, сладкая, как божественный нектар, приправлена горькими ветрами жизни. Так и с пищей. Вот почему мне нравится есть абистранские манго с уксусом. Но пятнадцатилетняя девочка, выросшая в мирное время, не знала горечи. Это угощение из меда, яблок и льда, должно быть, имело вкус ее самых приятных воспоминаний.

– Мелоди, какой был самый счастливый день в твоей жизни?

Она слизала мед с ложки и хихикнула.

– Сегодня самый счастливый день в моей жизни.

– Да брось, кроме шуток.

За горами Нокпла садилось солнце, заливая небо красноватым светом.

– Что это вообще за вопрос? – сказала Мелоди. – А у тебя какой?

Тот день, когда мы с Лунарой поженились. Торжественную церемонию в Голубых куполах посетил сам шах. За нашу службу он освободил нас от янычарской присяги и разрешил пожениться.

О Лат, Лунара сияла, как летнее небо. На ней было голубое платье с узором из золотистых цветов, как будто кусочек рая. Когда она ступила на помост и взяла мою протянутую руку, я чуть не лишился сознания от счастья.

Но настало время для новых воспоминаний.

– Прости, Мелоди. – Я задумался обо всем, что пропустил. О времени, что не был здесь, чтобы смеяться вместе с дочерью или держать ее за руку, когда она плачет. – Мне жаль, что меня не было рядом. Я столько всего пропустил в твоей жизни. Вот почему я задаю глупые вопросы.

– Тогда не пропускай больше ничего, хорошо? – сказала Мелоди. – Мы с тобой и старик – семья. Я никогда тебя не покину, если ты обещаешь то же самое.

Вот тогда я понял, что никогда не уеду из Костани. Я должен наверстать потерянное время. Мне так хотелось стать любящим отцом и преданным сыном тем единственным людям, которые по-настоящему обо мне беспокоятся. Пусть Лунары больше нет, но мне есть для чего жить.

Я обнял Мелоди. Когда фонарики вышли на улицы, чтобы их осветить, я повел дочь домой.

Я должен был поговорить с магом Вайей об успехах нашей священной армии, поэтому поднялся по крутой лестнице к Небесному престолу. Великий муфтий Тайма помахал мне, когда я миновал ворота.

Похоже, он только что завершил службу и теперь отдыхал у фонтана: его тюрбан лежал на плечах как полотенце, а очки болтались на шее на золотой цепочке. Вокруг суежилась его паства, но Муфтий отмахнулся от них, чтобы поговорить со мной.

– Ты так хорошо их подготовил, – сказал он. – Превратил сброд в сплоченный отряд.

– Ты наблюдал?

Муфтий ухмыльнулся.

– Источник всегда наблюдает. Наша работа в том и заключается, чтобы знать обо всем.

– Я думал, ваша работа – заботиться о людских душах.

Мы с муфтием прошли по вечернему саду. Не считая луны, его тускло освещали только мускусные свечи. Трава стала мягкой из-за вечерней росы, капельки воды поблескивали на цветах, обрамляющих гравийную дорожку.

– Вера касается не только души, – сказал он. – Тело, разум и душа – все одинаково важно. Что есть верующий, если он все время проводит в храме? Разве сражаться и умереть за Лат – не величайший акт поклонения богине? Разве ее дом – в храме? Или он в теле святого воина, упругом от тренировок?

– А что насчет разжиревших тел, вроде моего? – засмеялся я.

Муфтий улыбнулся, хотя вряд ли нашел шутку забавной.

– Кева, твой разум – самая большая святыня. Разум, который может обратить слабость в силу, послать стрелу точно в яблочко и повести за собой людей к святой цели. Что может быть более богоугодным, чем вести людей к победе?

У моей головы гудели светлячки, пронзая ночь мрачным сиянием.

– Спасибо, Великий муфтий. Твои слова наполнили меня надеждой. Теперь я понимаю, насколько ты умеешь вдохновлять.

От его теплой улыбки я тоже улыбнулся. Он казался добрым человеком, но мог ли такой подняться настолько высоко? В этом-то царстве?

– Могу я задать личный вопрос? – спросил он.

– Предпочитаю отвечать на личные вопросы с кальяном в зубах, но, раз здесь его нет, говори.

– Эта юная очаровательная девушка, которая явно тебя обожает, уже вошла в возраст?

Что это за вопрос? Мелоди, несомненно, уже взрослая. Он что, хочет выдать ее замуж? Она не принесла янычарскую присягу, а значит, это еще возможно, а для нее, вероятно, и единственный путь, коли на нее положил глаз Источник.

– Полагаю, да. В смысле, конечно да.

– Тысяча и одно извинение за то, что спрашиваю, но вы двое выглядите такими близкими.

И любящими. И все же не родственники.

Его взгляд перестал быть теплым. Теперь он смотрел с осуждением.

– Она моя названная дочь. А в чем дело?

Великий муфтий схватил меня за руки и потряс их.

– Если ты должен стать святым воином в глазах Лат, нельзя нарушать ее законы. Нет ничего хуже для морального духа войск, чем когда командир нарушает божьи заповеди. Воспитание девочки-рабыни – это замечательно, но только пока у нее не пойдет первая кровь. Ты не ее владелец и не ее отец. Если она тебе нравится, возьми ее в жены. Или отдались от нее.

Я выдернул руки.

– Мелоди – моя дочь! Как ты смеешь даже предполагать такую мерзость?!

– Хорошо известно, как янычары поступают с дочерьми. То, чем ты занимаешься в своем доме, останется только между тобой и Лат. Но на улице девушка должна быть для тебя незнакомкой. Таков закон, установленный Источником. – Он указал на себя. – Мной.

Я слышал рассказы о янычарах, которые усыновляют сирот, девочек и мальчиков, только чтобы творить с ними немыслимое. Но я не знал, что недавно Источник полностью объявил усыновление вне закона.

– Она моя дочь. Я не позволю тебе указывать, как мне с ней обращаться – ни дома, ни на улице.

Я покачал головой и ушел. Никогда еще мое мнение о человеке не падало так низко за какие-то секунды.

Оказавшись во дворце, я взял факел и зажег его огнивом. Покрывающие стены золотые надписи на парамейской вязи поблескивали в его свете.

Я спросил янычара, стоящего неподвижно, словно цветная статуя:

– Где маг Вайя?

– Внизу.

Я спустился на один пролет и задал тот же вопрос стражу у буфетной.

– Внизу.

Я спустился еще на один пролет и задал этот вопрос стражу в темнице. И получил тот же ответ. Тогда я спустился по спиральной лестнице, пока не оказался в полной темноте, как в гробу.

В конце коридора у порога стояли на страже два янычара. За порогом была крошечная тьма, словно вырванная из беззвездного неба.

– Значит, это и есть Лабиринт, – сказал я. – Я так много о нем слышал.

Я заглянул через порог. Вход в пещеру преграждали железные прутья решетки. Открытая дверь тоже была решетчатой и скрипела на сквозняке.

Янычары стояли с непроницаемыми лицами. Я щелкнул пальцами перед их глазами. Они находились в трансе – спины прямые, головы высоко подняты, а глаза широко открыты.

Неужели это колдовство Вайи? Или действие Лабиринта? Осмелюсь ли я войти?

Тьма застонала. Гулко заскрежетала. Или это сквозняк? А может, мне померещилось?

Я шагнул через порог.

– Вайя! – позвал я.

– Вайя! – откликнулось эхо. – Вайя! Вайя! Вайя! Вайя! – звенело у меня в ушах.

Поднялся ветер. Но откуда? Сквозняк означает, что не так далеко есть другой выход. Ледяные порывы ветра пробирали до костей, мои глаза увлажнились. Или это слезы страха?

Я коснулся черной стены пещеры. Холодная. На ладони остались следы дегтя. Что это за место такое?

Я осветил факелом вперед и шагнул дальше. Факел едва высвечивал путь, как будто тьма душила свет. И тут я услышал тихое «кляц-кляц». «Кляц-кляц». Звук отскакивал от стен. Был позади меня. Впереди. «Кляц-кляц».

Я повернул налево. Повернул направо. Обернулся. Но не увидел ничего, кроме покрытых дегтем стен и железной решетки, через которую вошел. Теперь она казалась далекой. Не мог же я столько пройти!

«Кляц-кляц». Ближе. Еще ближе. «Кляц-кляц».

Я споткнулся и выронил факел. Тьма погасила огонь. Я больше ничего не видел. Кто-то поднял меня на ноги. Я закричал. Все вокруг снова озарилось светом. Появилось юное лицо мага Вайи. Он тряс меня за плечи, пока я не пришел в себя.

За его спиной стоял Рыжебородый с фонарем в руке.

– Вы что вытворяете? – Я чуть не набросился на них.

Мы сидели за низким столом в дворцовой столовой, передавая друг другу кувшин с ячменной бражкой. Визири и придворные за другими столами пили розоватые напитки под скудным светом чадающих свечей. Я попросил у прислуживающего мальчика принести кальян с вишневым гашишем. Через пять минут я уже покурил и расслабился.

– Я побывал на краю света, – сказал Рыжебородый, сверкнув цветными зубами. Даже брови его были рыжими. Крепко сбитый, и, хотя уже не молод, не тот человек, с которым хотелось бы потягаться в силе. – Я видел много чудес. Например, Колосс в Диконди, прежде чем Михей расплавил его, чтобы сделать десять тысяч аркебуз. Длинный меч Колосса указывал на небеса. – Он поднял свою чашу, как будто это меч. – Он был выше гор, а железные глаза рассказывали историю подвигов, создавших город, которому тысяча и один год. А еще я плывал на острова Пилимэй, где стоят статуи, древние, как само время; говорят, их вытесали колдуны...

Рыжебородый все говорил и говорил. Он любил поболтать. А я любил курить, так что не прочь был послушать, пока легкие наполняет гашиш со вкусом вишни.

– ... Но, хотя я обошел весь белый свет, я никогда не бывал в Лабиринте. Забавно, что шах разрешил мне войти. Даже весело. Вайя возражал, но, раз шах принял решение, благородно вызвался меня сопровождать, для безопасности. Мне хотелось ощутить этот ветер, поднимающийся от адского пламени. И ветер оказался холодным. Странно, что адское пламя холодное. Может огонь быть холоднее льда? А ты что скажешь, Кева?

Наконец-то он замолчал. Даже с самым прекрасным гашишем я уже с трудом выносил плохо прикрытое хвастовство.

– Адским пламенем правит Ахрийя, – ответил я. Рыжебородый жестом попросил кальян, и я дал ему пару раз затянуться. – Своим дыханием он заморозил мир, как говорится в Святом Писании. Лишь когда святой Хисти основал в каменной долине Святую Зелтуруию, мир снова отогрелся. Так что холод может и обжечь.

– Ты отличный рассказчик! – Рыжебородый выдул колечко дыма. Все хвастуны и позыры обожают выдувать кольца. – Я бы целый день тебя слушал, если бы себя не любил слушать больше.

Он хрипло и гортанно засмеялся.

По крайней мере, он честен, и я тоже посмеялся.

– Что ж, я рад, что мы не углубились в Лабиринт. – Рыжебородый чокнулся со мной чашей. – Мне не хочется умирать, пока из меня не выжмут всю жизнь до капли. Или пока я сам не выжму жизнь до предела.

Выжать жизнь до предела... Это же стихотворение поэта-воина Таки.

– Ты хорошо знаешь Таки? – спросил я.

– Какой культурный человек не знает наизусть хотя бы три тома из девяти?

Я тоже чокнулся с ним, пролив бражку на стол. Он привез лучшее в мире манго в уксусе и знает Таки. Пусть Рыжебородый и пустозвон, но я не мог отрицать его обаяние.

Маг Вайя продекламировал предсмертную поэму Таки:

*Нет места в теле моем,
Что не было взрезано саблей
Или проткнуто стрелой.
Но я все равно
Умираю от старости, словно верблюд.*

Рыжебородый захлопал в ладоши.

– Даже он знает Таки!

– Если бы не Таки, – сказал Вайя с каменным лицом, – в окружении подхалимов я превратился бы из кружасьегося дервиша в крутящуюся селедку.

Я понятия не имел, что это значит. Но мы с Хайрадом все равно рассмеялись, да так заливисто, что затрясся стол.

Хайрад плеснул мне еще ячменной бражки.

– А теперь скажи-ка, Кева, шах – твой друг? Что он любит по-настоящему? Какая наложница из гарема доставляет ему больше всего удовольствия?

Я глубоко затаился и позволил дыму осесть в легких, а потом выдохнул.

– Разве друг зовет тебя только в пору нужды? Разве будет рисковать твоей жизнью вместо своей? Мы не друзья. Но в этом и нет необходимости: я и так буду ему служить. Я восхищаюсь им за то, какой он – подлинный наследник шаха Джаляля Громовержца, которого я и впрямь считал другом.

Хайрад, видимо, заметил мой хмурый тон и сменил тему.

– Позволь признаться, что, если бы у меня был гарем, я бы брал только аланиек. Рыжеволосых, с Кармазских гор. Они просто огонь – что на улице, что в постели. Есть у меня одна история...

Мы пили, курили и шутили. Даже маг, как выяснилось, обладал чувством юмора – сухим, как дохлая крыса в пустыне. Через дворцовые окна вдохновенно светила луна. И все же, когда мои кости ломило от смеха, в голове все крутились слова шаха, пока и она не заболела: «Десять лет мира не остаются безнаказанными».

6. Михей

Сапфировое Священное море мерцало в лунном свете. Моя лучшая сотня во главе с Эдмаром и Орво выстроилась у воды в десять рядов по десять человек. Волны бились о берег, а я вспоминал момент, когда стал Михеем Железным и моя душа очистилась тяжелой водой. Каким святым я был и каким грешным стал?

Ашера что-то шептала на парамейском. Я мог бы взять с собой кого-то из эджазцев в качестве переводчика, но вместо этого велел лучшим морякам в мире отплыть в Костани. Флот ушел несколько дней назад и через несколько часов будет готов к атаке. Но где будем мы? Действительно ли ведьма проведет нас в Костани каким-то волшебным туннелем?

Ашера замолчала и уставилась на воду. Она держала меня за дурака?

– Мы торчим тут уже час, – сказал я. – Где вход?

– Он здесь. Я чувствую холодный ветер Глубины.

– Ты видишь на наших щеках жабры?

– Я не знала, что вход под водой. Я просто следовала ветру.

Даже свет полной луны не проникал в маслянистые воды моря.

– Так что нам делать?

Мне хотелось ударить Ашеру и утопить. Она повернулась ко мне; губы дрогнули ровно настолько, чтобы я заметил. Она чего-то боялась, и я был уверен, что не меня.

– Я освещу путь, и вы последуете, – сказала она. – А пока избавьтесь от лишнего груза.

– Осветишь путь? Огонь не горит в воде!

– Ее огонь горит.

Она зашла в воду, намочив зеленое платье, которое я ей дал, затем погрузилась с головой и исчезла. Я приказал своим людям бросить все, кроме кольчуг, еды, мечей, аркебуз и зажигательных смесей. Берег усыпали груды черных доспехов, шлемов и копий вместе с разными безделушками – ножами, деревянными мисками, ложками, монетами, бусинами и игральными костями. Мы ждали.

И ждали. И ждали. Она утонула? Я уже был готов отплыть в Гиперион и броситься к ногам императора Иосиаса.

У моей головы зажужжал странный зеленый светлячок. Я прихлопнул его, но появились другие. Они вылетали из воды и мерцали в темноте. Изумрудный свет озарял море и указывал путь. Они светились синхронно, будто обладая единым разумом. Я вошел в воду, чтобы последовать за ними, почти забыв о сотне воинов позади.

Наверняка они затаили дыхание.

– За мной! На Костани!

Я сделал глубокий вдох и нырнул. Изумрудное мерцание вело меня вперед и вглубь. Металлическая вода разъедала глаза, но я продолжал двигаться, пока не достиг прогала в водорослях. Легкие наполовину опустели, и я рванул внутрь. Проход сузился, но изумрудный свет светлячков не угас. Глаза горели, легкие жаждали воздуха. Я плыл и плыл; голова вдруг коснулась воздуха, и я судорожно задышал.

Я опустился на каменистый пол, светлячки освещали пещеру со стенами, покрытыми дегтем. У входа стояла Ашера в окружении пульсирующих зеленых насекомых. Она задышалась и, если бы я не поймал ее, повалилась бы наземь.

– Можешь продолжать? – спросил я.

Ее кожа обжигала холодом. Я едва удержал ее, помогая встать.

– Придется. Я должна отвести вас в Костани.

– Прости, что усомнился в тебе.

– Я тоже сомневалась в себе, но никогда не сомневалась в Ней.

Из воды в пульсирующем зеленом свете появлялись мои люди, с черно-красных кольчуг текли ручейки. Скоро всю пещеру заполнят паладины.

Светлячки влетели в черный туннель. Тьма была всеобъемлющей. Не отсутствием света, а частью воздуха. А ветер... Он охлаждал мокрое тело и шептал слова, которых я не мог понять. Но одно я знал точно: этот ветер ведет в Костани.

7. Кева

Столкновение с Лабиринтом так меня напугало, что, конечно же, я отправился туда во сне. Что-то шептало из темноты. Пока я с факелом в руках спускался по пещерам все глубже, тихонько запела женщина. Ее песня была такой знакомой, хотя я и не понимал почему.

Я спешил сквозь пещеры, желая найти поющую женщину. Вдруг из стены выросли руки черного дыма и загасили мой факел. Я задохнулся от ужаса и, спотыкаясь, помчался во тьме, пока пульсирующие светлячки не осветили путь вперед.

Они вели меня ближе к песне, к женщине. Я дошел до пещеры, освещенной мерцающей сапфировой водой. И она была там.

Женщина сидела на ледяном троне, который плавал на воде. Обнаженная. Стройные бедра переходили в плоский живот и маленькую грудь. Она повернулась и положила ногу на один подлокотник, а спиной уперлась в другой. Женщина погрузила ногу в воду, и по воде пошли мелкие круги. Самым странным были ее лазурные волосы, такие длинные, что падали в воду. Она походила на одну из темзских рабынь, которых Рыжебородый возил по улицам.

Я ступил в воду, чтобы подойти к ней, но моя нога провалилась, и ее обожгло холодом жидкости. Я мог лишь наблюдать, как ее нежное пение дергает струны моего сердца.

Заметив меня, она остановилась. Улыбка не была нежной. Такая же холодная, как ледяная вода. Женщина пошла по воде ко мне, но я не убежал. Она подошла ближе, пристально глядя огненно-зелеными глазами, ее дыхание пахло льдом и медом. Затем она уколола ногтем мой лоб, и я проснулся в испарине.

За окном, выходящим на Небесный престол, в небе взорвался фейерверк, и мир окрасился красным. Шах использовал фейерверки как сигналы для армии. Красный означал войну. Алые вспышки наполнили небо какофонией взрывов.

Я схватил саблю и выбежал из комнаты. Внизу Мелоди надевала кольчугу с помощью Тенгиса.

– Что случилось? – спросил я.

– Будь я проклят, если знаю. – Тенгис пристегнул ножны Мелоди. – Они что, уже здесь?

– Мелоди должна остаться, – сказал я, выходя из двери.

Но, увидев желание в ее темных глазах, я понял, что, как бы ни любил ее, не вправе оставить ее в стороне. Она – воин и должна исполнить свой долг перед шахом и страной.

Снаружи было туманно и влажно. Воздух был затхлым. Люди с удивленно распахнутыми глазами заполнили улицы. Мы с Мелоди протиснулись сквозь них к дворцу, откуда запускали фейерверки. Что бы ни происходило, это было во Дворце на берегу времен.

Янычары промаршировали сквозь царские ворота и вверх по ступеням. Мы побежали за ними. На вершине я уже задыхался, но Мелоди рванула сквозь вторые ворота.

– погоди! – прохрипел я и опустил на корточки, пытаюсь отдышаться. – Мелоди! – Она не остановилась, так что я заставил себя подняться и побежать за ней.

У входа во дворец лежали тела. Вооруженные до зубов янычары бежали к западной части дворца, где мосты вели к семи морским стенам.

Мелоди склонилась над раненым янычаром.

– Расскажи, что случилось, – попросила она.

– Они пришли из дворца. – Губы раненого окаймляла кровь. – Целая армия.

– Куда они пошли?

– На запад. – Он зажал на животе рану, из которой лилась кровь. – К морским стенам.

Мы последовали за янычарами к морским стенам. Воздух пронзали крики и выстрелы. Лекари тащили на носилках кричащих раненых в обратном направлении. Как долго уже идет битва? Судя по телам, не меньше часа.

Когда мы приблизились к стенам, с моря донесся грохот. Пушечный огонь. За вспышками света и огня следовали взрывы. Крестесцы не пошли на Демоскар. Они были здесь. Вдалеке, по проливу, шли корабли и обстреливали город. Но пушки на морских стенах не стреляли в ответ, а значит, враг уже захватил укрепления. Как это возможно? Неужели это все еще сон?

Крепостные стены были впереди, а я задыхался все сильнее, ноги одеревенели от напряжения. Мертвые тела лежали все гуще. Между булыжниками струилась кровь. Воздух наполнял вонь горелой плоти, похожая на смесь серы с кровью и сладким мясом.

По площади тащился солдат, держась за обгорелый живот; его кишки, словно свернувшись змеи, торчали наружу. Другого ранило в колени, и от пламени его нога почернела. Помочь им было некому.

Мы с Мелоди спрятались за каменным фонтаном. Мы не успели перевести дух: бомба разорвалась в кустах неподалеку, там, где притаился янычар. Он побежал, объятый пламенем, и со страшным криком упал со стены на насыпь внизу.

Не такой я помнил войну. Слишком много стрельбы. Слишком много бомб. Как нам приблизиться, чтобы использовать сабли и копья?

Рядом со мной пригнулся молодой человек с копьем в руках. Это был начинающий святой воин, которого мы тренировали сегодня днем. Его желтые зубы стучали.

– Убирайся отсюда, – сказал я. – Ты не готов.

– Я готов умереть за Лат.

Он дрожал. В заливавших глаза слезах отразился взрыв прямо над нами. Я повалил их с Мелоди на землю и накрыл собой. Меня оглушило.

Когда мы подняли головы, битва бушевала в тишине.

– Слушайте! – крикнул я. – Под Костани есть запас пищи на годы вперед. Идите сожгите его.

– Нет, – крикнул юноша. Из-за звона в ушах я едва его слышал. Он превратился в ребенка, как происходит со многими на войне. – Я должен остаться, – сказал он. – Должен сражаться.

– Город потерян! – Я вложил руку Мелоди в его. – Корабли вошли в пролив. Сожгите, что сможете.

Мелоди дрожала, судорожно дыша.

– Я только что вновь обрела тебя, – сказала она сквозь слезы. – Я не оставлю тебя сражаться в одиночку.

– Я твой командир, и ты будешь делать то, что я приказываю. – Я схватил ее за щеки и поцеловал в лоб. – Иди, Мелоди, и выполни мой приказ. А потом выбирайся из города.

Она кивнула и поцеловала меня в щеку. Из ее покрасневших глаз лились слезы. Вместе с молодым воином они поползли прочь.

Когда они ушли, я ощутил готовность. Бомбардировка не прекращалась, как и пушечный огонь, обративший ночь в день. Я жалел, что у меня не было ячменной бражки или вишневого гашиша, чтобы успокоить нервы. Оставались лишь молитвы; я быстро прочел одну и обнажил саблю.

Янычары вокруг были мертвы или умирали. Я выглянул из-за фонтана. Десятки вражеских солдат окопались за мешками с песком на каждой из морских стен.

Несколько человек пригнулись на седьмой стене. С ними была женщина. В лунном свете ее платье мерцало зеленью, волосы были длинными и светлыми. На шее висел желтый шарф. Хотя я не мог рассмотреть ее получше, она казалась знакомой, словно из сна.

Кто-то тронул меня за плечо. Я едва не зарубил мага Вайю, подкравшегося ко мне. Если нас кто-то и мог спасти, то только он.

– Что нам делать? – спросил я.

Я едва слышал себя: в ушах надрывалась сотня колоколов. Я приблизил ухо к лицу Вайи.

– Та женщина, – сказал он. – Я должен убить ее.

– Кто она?

– Слуга Ахрийи. Маг, сбившийся с пути. Видишь человека рядом с ней?

Я прищурился. Хотя он скрючился за мешками с песком, я понимал, что это крупный мужчина. Каждую минуту он бросал бомбы, взрывавшие камни и заставлявшие янычар вопить.

– Это Михей Железный. – В голосе Вайи не было страха. Он говорил так, будто мы все еще пьем в буфетной. – Мы убьем его и, возможно, сможем спасти город.

– Значит, мы атакуем седьмую стену.

Пятеро янычар подбежали к нашему укрытию и сгрудились вокруг нас. Они положили дымящиеся аркебузы на землю – у них явно кончились заряды. Кольчуги, покрывавшие их розовые хлопковые одежды до бедер, запятнала сажа. Перья на шлемах как будто выщипали из окровавленных голубей.

Каждое мгновение в нас могла попасть бомба. Надо было действовать.

– Я убью женщину, – сказал Вайя. – А вы возьмите на себя Михея.

Мы кивнули друг другу. В нескольких шагах от нас разорвалась бомба. Кусок тела янычара окрасил воду в фонтане красным. Нас с Вайей запятнала кровь. Мы были пузырями, готовыми лопнуть.

Невозмутимый Вайя поднялся и пошел к седьмой стене. Воздух наполнили выстрелы. Вайя не дрогнул, когда мимо него пролетели пули. Невероятно, но так похоже на мага, с которым я сражался десять лет назад. Я пригнулся и бросился вперед, прячась от пуль за обломками. С криком упал янычар. Вайя добрался до седьмой стены и отвлек на себя большую часть огня. Я побежал вперед.

Бешено бьющееся сердце обострило мои реакции и заставило вспомнить навыки, приобретенные годы назад. Атакуя укрепления вместе с янычарами, я снова был молодым. Мы проскользнули за толстую стену из мешков с песком, высотой по пояс, и затаились. С другой стороны пригнулся Михей Железный.

– Пошел ты! – крикнул я.

В ответ он прокричал что-то на крестеском, и слова звучали откуда-то издалека, будто он стоял на горе.

Под нами обращенные к проливу стены рушились от непрекращающегося пушечного огня с кораблей. Солдаты с боевым кличем спрыгивали на берег, в готовности преодолеть стены и захватить город. Мы проиграем эту битву, даже если убьем Михея. Но, возможно, без его руководства мы сумеем выиграть следующую.

Я должен убить его. Три янычара ждали моей команды. Впереди на стене стоял Вайя. Крестесцы прекратили стрелять в него, осознав тщетность усилий. Ничто не могло коснуться мага.

Вайя что-то сказал женщине, затем поднял руку и указал на нее.

Ветер! Он ударил в стену, как пушка, сбросил нескольких паладинов в воду и отправил женщину в полет. Была ли это сила Вайи? Женщина приземлилась на ноги на краю крепостной стены, и ветер унес ее желтый шарф в горы. Вайя побежал к ней. Я воспользовался шансом, подал сигнал янычарам, и мы вместе перелезли через мешки с песком.

Михей смотрел на колдунов. Я метил ему в шею, но он в последний момент блокировал удар мечом. Он возвышался надо мной и следил за моими движениями. Янычары убили нескольких; я едва услышал их крики.

Его губы шевелились, произнося бессмысленные слова. Я сделал выпад, но он обманул меня и увернулся. Потом нацелился мне в шею, но порезал плечо. По руке потекла кровь. Я ничего не чувствовал.

Крупные люди в драке плохо владеют ногами, поэтому я пригнулся и ударил туда. Я никогда не видел, чтобы такой здоровяк так прыгал. Он врезал ногой мне в лицо. Я рухнул на мешки с песком, сплевывая окровавленные зубы.

– Чтоб тебя!

Я встал и сделал выпад ему в живот, он шагнул в сторону. Его меч проткнул воздух прямо у моей щеки.

Михей ухмыльнулся. Он наслаждался нашей битвой и тем, что его жизнь висела на волоске. Десять лет назад я бы стер эту ухмылку с его лица.

В его глазах отразился зеленый огонь, и взрыв толкнул меня вперед, прямо на него. Мы оба упали. Одежда стала такой горячей, что обжигала спину. Взрыв разрушил часть стены позади меня, осыпал обломками один из кораблей Михея, и тот опрокинулся под крики моряков.

Куда делись маги? У меня не было времени посмотреть. Поднявшись на ноги, я пригвоздил Михея взглядом. Два янычара прикончили его людей, и мы окружили его самого. Бежать ему было некуда.

Мы бросились на Михея. Он ударил меня локтем, проткнул горло янычару и пинком сбросил его со стены. Вторым янычар атаковал, и Михей распорол ему грудь, словно горячий воск.

Я очнулся и замахнулся изо всех сил. Зазвенела сталь, когда моя сабля выбила его меч и тот упал на камни. Я снова замахнулся, чтобы перерубить Михею шею, но он успел схватить меня за горло. Он напрягся и поднял меня в воздух. Насколько сильным может быть человек? Он перевесил меня через край там, где стену взорвал зеленый огонь. Свет в глазах померк. В легких не было ничего, кроме смертельной давящей боли, сотрясавшей душу. Пришел мой конец, а я был слишком напуган, чтобы молиться.

И вдруг рука Михея оторвалась от тела и полетела в воздух. Я упал и схватился за край осыпающейся стены. Болтаясь в воздухе, я судорожно дышал, но насторожился, услышав девичий плач. Я сумел чуть-чуть подтянуться, чтобы увидеть.

Михей держал Мелоди за шею. Ее клинок был красным от его крови. Сабля звякнула о камни, пока Мелоди билась в удушающей хватке. Из обрубка на месте правой руки Михея текла кровь.

– Мелоди! – Я попытался вскарабкаться обратно. Я подтягивался на разрушающейся стене, хватаясь за любой обломок камня. И хотя я старался изо всех сил, мои руки были слишком слабы, чтобы поднять постаревшее тело.

В последние секунды моих усилий Михей сломал моей дочери шею, бросил Мелоди на землю, поднял саблю, красную от его крови, и вонзил ей в горло. Кровь хлынула у нее изо рта. И тут моя рука соскользнула.

8. Михей

Надо отдать должное янычарам. Они сражались яростно и умирали с молитвами на устах. Из сотни паладинов, которых я привел через Лабиринт, только тридцать остались невредимыми. Один янычар прорубился сквозь моих людей с шамширом в руке, отливавшим в лунном свете серебром и красным. Но как бы ловко янычары ни владели саблями, этой ночью победили пушки.

Я прикусил палку, вспоминая это, пока Джауз зашивал мою культю. В Сирме даже девчонки умеют драться. Скольких здоровенных говнюков я прикончил, а они не сумели и волоска с меня срезать? И вдруг ко мне подкрадывается какая-то тощая девчонка и отрезает мне руку, словно сочный кусок ветчины.

Лучше бы я оставил ее в живых и обратил в истинную веру. Она многого бы достигла в моей армии. Если бы у меня был хотя бы один янычар на десять вражеских, я бы не проиграл ни одной битвы. И не потерял бы руку.

Но какое значение имеет рука? Я пожертвовал ею, а получил Костани – самый святой город на свете. Неверные превратили наш священный храм в капище одного из своих проклятых святых и назвали его Голубыми куполами. Я мечтал восстановить это место и услышать в нем ангельские гимны.

Не повезло янычарам, что у них нет командующего. Беррин сказал, что шах измучился, скача на сучках в своем гареме, и потому проспал всю битву. Без твердой руки янычары просто побежали нам навстречу, и мы их расстреляли.

Не могу винить шаха. Даже в его самом жутком кошмаре не появлялась из-под дворца сотня святых паладинов. И за это я должен был бы поблагодарить Ашеру, но не сумел, потому что... Куда она подевалась?

Беррин понурил плечи и покачал головой, когда я его спросил. Он командовал флотом и с помощью эджазцев втиснул в пролив достаточно кораблей и высадил достаточно воинов на берег, чтобы проломить самую слабую стену. Я не видел Ашеру с тех пор, как она взорвала полстены, на которой я сражался. Теперь мы не сможем добраться до внутреннего моря Сия. Обломки можно разобрать, если работать не покладая рук, но никто не хочет трудиться в день святого праздника.

Хотя праздновали не все, потому что город ниже Небесного дворца пылал. Мы не стали тушить пожары. Какой прок от сирмянских лачуг? А если сгорят и лачуги этосианцев по соседству? Эта мысль причиняла боль, но Архангел узнает своих.

Благодарю Архангела, что девчонка отсекла руку чисто. Джауз затянул культю и привязал ее к плечу полоской хлопковой ткани. Отсутствующую руку сжигала боль. Немного помог травяной настой.

Еще столько предстояло сделать. Я собрал своих помощников в тронном зале. Мы притащили большой мраморный стол и замысловатые металлические кресла из кладовки, чтобы не сидеть на полу, будто нищие просители. Наверное, шах использовал эту мебель, когда принимал союзников из Растергана. Чтобы привести зал в должный вид, нужно будет сорвать дурацкие надписи на парамейской вязи, сверкающие на стенах, и расплавить золотого павлина с рубиновыми глазами. Но это все потом. Сейчас имеет значение лишь воздаяние.

– Тюрьма под Небесным престолом переполнена пленниками, – сказал Зоси, поглаживая рану. Когда мы брали стены, какой-то ополченец саданул ему щитом по носу, и теперь он говорил так, словно на ноздрях была прищепка. – Даже мой бедный нос улавливает нечестивый запах. Напоминает о тех днях, когда я сам томился в яме.

– С этого дня пленных больше не будет. – Я откинулся в кресле и поставил ногу на стол. Воздух Костани пропах сладостью крови и дымом. – Где сирмяне рубят головы?

– На Ангельском холме, – ответил Беррин. Таково настоящее название холма, на котором стоял храм Голубые купола. – Единственное место в городе, которое мы еще не захватили. – Его щеки побагровели от праведного гнева. – Они слишком долго пятнали кровью нашу святыню, творили там бесчинства.

– И сколько там засело? – поинтересовался я.

– Не больше сорока, – ответил Зоси.

– Я лично с ними разберусь.

– А что насчет шаха? – спросил Беррин с отвращением в голосе.

Проклятие. Было бы неплохо, если бы кто-нибудь оказал мне любезность, прикончив шаха. Кажется, что убить царственную особу так просто – всего-навсего отрубить голову. Но убийство шаха – это больше политика, чем война. Если император узнает, что я обезглавил шаха без разрешения, он меня утопит в глубоких тяжелых водах.

– Я напишу императору по поводу шаха. А пока что держите шаха взаперти в его покоях. Пусть проживет еще пару ночей в благополучии.

Не считая шаха, ни один почитатель Лат в Костани не был в безопасности. Священное место можно очистить только одним способом – выкорчевать всех неверных.

Частично с этой задачей справится пожар. Не мы его устроили, но он все равно очистит улицы.

– И еще кое-что. – Беррин поколебался, прежде чем выложить факты, явно не желая портить благостное настроение. – Закрома пусты.

– Вы проверили под землей? – спросил Зоси. – Наши лазутчики упоминали, что запасов зерна в городе хватит на два года.

– Все сожжено, – ответил Беррин. – Полностью. Как только закончится провизия у нас на кораблях, нужно будет раздобыть ее где-нибудь. За стенами.

– Двухгодичные запасы зерна обеспечили бы завоевание страны, – сказал я. – Кто бы ни отдал приказ сжечь их, он быстро соображает. Будь он проклят.

Я мог очистить Костани, но земля за стенами? Сирмяне удерживали город и окружающие земли триста лет. Нам могли бы помочь этосианские деревни, но до них непросто будет добраться, пока за нами охотятся конные лучники-забадары.

– За стенами царят забадары, – сказал я. – Я обещал каждому паладину надел земли. Нам придется сражаться за все травинки до последней.

В отличие от янычар и профессиональной армии Сирма забадары жили в юртах на равнинах. Говорят, дети забадаров учатся скакать верхом раньше, чем ходить. И мальчики, и девочки могут быть воинами, так что их в избытке и каждый с рождения владеет пятью жеребятами. По слухам, их гнутые луки сделаны из сухожилий ледовых мамонтов, хотя это похоже на выдумку. Но правда в том, что, посади забадара на кашанскую лошадь, даже лучший аркебузир не успеет пристрелить его, прежде чем его самого пронзят стрелой в голову.

Зоси поковырял повязку на носу.

– Мы не исполним свою мечту о свободной земле, пока не изгоним забадаров обратно в Пустоши, откуда они явились.

Шахи специально расселяли племена забадаров вокруг Костани. Вот почему почитатели Лат в этих землях превосходят числом поклоняющихся Архангелу.

Пока я размышлял, как поступить, на меня пялился золотой павлин. От его мерзких рубиновых глаз бежали мурашки по коже. С распростертыми крыльями и наклоненной набок головой он выглядел так, будто вот-вот нападет. Эти Селуки не просто язычники, а еще и любители показной роскоши.

– Зоси, – сказал я, – возьми конный отряд рыцарей с аркебузами и атакуй забадарские деревни в дне пути от города.

– Как прикажешь, Великий магистр.

Не убирая руки от носа, Зоси ушел выполнять указания.

Мы с Беррином обсудили самое основное. Где разместить армию? В янычарских казармах. Что могут забрать воины? В городе – что угодно, но им не дозволено мародерствовать во дворце: его сокровища принадлежат императору. Кто будет охранять стены? Люди Эдмара. Что делать с нашими погибшими? Похоронить. А с трупами врагов? Выбросить в Тесный пролив: пусть их прибьет к берегам моря Сия, где ими полакомятся птицы.

Когда я нашел Айкарда, он курил кальян в дворцовом саду. Он отрастил белокурые волосы длиннее, чем подобает. Все напоказ. Куда бы мы ни отправились, он всегда играл новую роль, вечно новые причуды. Мне этого не понять.

– Это называется «освободить город»? – сказал он, выпустив дым.

Я никогда не любил кальян. Это путь к греху. А для Айкарда грех – лишь инструмент, с помощью которого он служит Архангелу.

– В Эджезе мы не убивали иноверцев, – сказал он.

– Эджезцы не оскверняли наши святые места и реликвии. Хватит. У меня есть для тебя задание.

Над головами порхали разноцветные птицы, невзирая на смерть вокруг. Их сородичи-падальщики лучше знали, что делать, и клевали мертвецов по всей территории дворца.

– Этого-то я и дожидался.

Айкард явно что-то принял: его глаза покраснели и смотрели в пространство.

– Когда протрезвешь, ступай в город. Выйди за пределы стен на равнины, если понадобится. Свяжись с нужными людьми, твоими глазами и ушами, и найди Ашеру. Ее участие в нашей войне не закончено. – Я схватил его за плечо. – Ты понял?

– А твое участие в ее войне? – Лицо Айкарда прояснилось. Краснота в глазах прошла, и он посмотрел прямо на меня. Очередной трюк. Он притворился пьяным, хотя был абсолютно трезв. Он отлично играл свою роль. – Я узнаю все, что можно. Не только о ней, но и о других магах и обо всех, кто злоумышляет против нас.

Достойный человек и входит в пятерку тех, кому я доверяю больше всего. Пусть его недостатки останутся между ним и Архангелом.

Я отдыхал, ел и пил. Молился и благодарил Архангела. А потом очистил меч от крови, чтобы он мог испытать еще.

На вершине лестницы, ведущей на Ангельский холм, я смотрел на город. Он был бы прекрасен, если бы не дым, загрязняющий воздух. Но очистительный огонь обладает собственной божественной красотой.

Небесный дворец казался таким мирным. Его зеленый купол переливался под солнцем, почти как глаза Ашеры. Куда же она пропала? Удивительно так нуждаться в присутствии неверной. Но то, как она сражалась с магом на стене, как швыряла зеленые шары с неба... Уж лучше такая сила будет на нашей стороне, чем против нас.

Золотая парамейская вязь осквернила внешние стены нашего самого священного храма. Здесь Архангел явил себя человечеству. А глубоко под землей на Ангельском холме хранилась святейшая реликвия: Слеза Архангела, который оплакивал грехи Падших ангелов и тех, кто последовал за ними. Говорили, что Слеза – осколок чистого кристалла и что тот, кто прикасается к ней, умирает с улыбкой, в божественном экстазе. Вот почему апостол Иосиас, тезка нашего нового императора, заключил Слезу в стекло и спрятал под Ангельским холмом.

Сохранилась ли она до сих пор в целости или сирмяне осквернили реликвию, как все остальное? Я потрянул эти мысли. Сегодня не время для раздумий.

– Я – Михай Железный, – выкрикнул я перед двойными дверями храма. – Примите веру в Архангела, и я оставлю вас в живых. А будете цепляться за свою ложную богиню, я залью это место кровью.

Я жестом велел своим воинам, стоявшим с аркебузами наготове, спуститься на несколько ступеней, чтобы их не было видно. Теперь я один стоял перед сорока иноверцами, засевшими внутри храма.

Дверь со скрипом отворилась. Из храма похромал человек с аккуратной каштановой бородой, весь в испарине. Турбан полотенцем лежал у него на плечах. Глаза под золотыми очками излучали поражение, а не вызов.

– Я пришел к тебе с миром, Михей Железный, – сказал он на крестеском с сильным акцентом. – Я спрятал в этих стенах свою паству.

– Мне сказали, здесь сорок человек.

– Сорок человек, готовых умереть. – Он потер ожог на ноге. – Но еще больше невинных душ, которые предпочли бы выжить.

– Кто ты? Откуда ты знаешь наш язык?

– Я Великий муфтий Тайма. Я говорю по-вашему, потому что проповедую и твоему народу.

– Очень жаль, что ты внушаешь им веру в фальшивых богов.

– Я не собираюсь сейчас устраивать теологический спор. Я пришел лишь для того, чтобы спасти жизнь невинным душам в этих стенах. Здесь десятки матерей, прижимающих к себе младенцев и молящих о пощаде. А еще дети. Кто поможет им, кроме тебя? Ты милосердный человек?

– Эта рана у тебя на ноге... – Из дыры его шаровар проступал кровавый гной. – Если не обработаешь ее, ты умрешь.

– Я с радостью умру за то, во что верю. Но было пролито достаточно крови. Ты победил. Покажи им милосердие Архангела и позволь уйти.

Я смотрел на голубые купола и представлял стоящего над ними Архангела, тянущегося к солнцу. Какое это было зрелище для верующих, что видели его тысячу лет назад. Одиннадцать крыльев и единственный глаз смотрели на них сверху вниз, и это сводило с ума всех, кроме истинно верующих. Если бы я тоже мог его увидеть.

И тут я заметил стоящую на куполе девочку. Учитывая ее рост, ей вряд ли было больше трех. С длинными темными волосами, одетая в серые лохмотья. Глаза у нее были черными, причем целиком, она широко улыбалась черными зубами. Я прищурился, но различил еще лишь одну деталь – соломенную куклу, которую она сжимала в руках.

Я закрыл глаза. Может, это от недосыпа? Когда я открыл глаза, девочка исчезла. И тогда я понял: Джауз примешал к моему чаю странные травы, чтобы притупить боль в несуществующей руке.

– Я буду милостив ко всем, кто исповедует истинную веру, – ответил я. – Вели своей пастве склонить головы перед Архангелом, и они смогут уйти.

– Наша вера дорога нам так же, как тебе твоя.

– Другого пути нет. Если ты их пастырь, открой им путь к истине. Когда ты выйдешь в следующий раз, я обнажу меч, чтобы убить всех, кто не склонится перед единственным истинным богом.

Как только муфтий зашел обратно, я свистнул своим паладинам, ожидавшим на лестнице. Они вернулись и достали оружие. Ангельская песнь учила нас быть милосердными даже к бродячим зверям. И хотя сирмяне никогда не проявляли к нам милосердия (устраивали набеги на наши города, заливали кровью улицы, крали наших жен и детей), я поклялся быть лучше них. И все же сколько этосианцев взывали к правосудию? Мне предстояло выбрать между мечом возмездия и щитом милосердия...

Мы целый час прождали под солнцем, а затем дверь открылась. Вышли матери, дети и старики, изможденные после кошмарной ночи, – наверное, человек сто. А за ними шли сорок

молодых людей. Они бросили на землю аркебузы, копья и сабли. Некоторые были одеты в яркие цвета янычар, кто-то – в черные рясы, но большинство были в лохмотьях.

Тем временем я вызвал Беррина переводить. Он говорил на чистейшем сирмянском, ведь он и был сирмянином.

Он велел им склониться перед Архангелом, если они хотят пощады. Произнести слова: «Клянусь, что Архангел – мой единственный союзник, а Падшие ангелы – мои враги и я буду поклоняться только Архангелу до последнего дыхания», а потом опуститься на колени и поцеловать священную землю.

Матери, дети и старики сделали так, как было велено. Они поклялись в истинной вере, встали на колени, и даже матери, прижимающие к себе младенцев, уткнулись лбами в землю.

Но муфтий и юнцы не последовали их примеру. Их губы остались сомкнутыми; они не произнесли священную клятву. И не согнули колени, не коснулись лбами пыльной почвы священного Ангельского холма.

Нет ничего хуже фальшивой веры. Произносить слова истины, в которые не веришь, только для того чтобы спасти свою жизнь. Но я не мог судить о сердцах тех, кто преклонил колени: это обязанность ангелов. Я мог судить только по словам и поступкам, и те, что отказались преклонить колени, показали, насколько очерствели их сердца.

Муфтий прохромал сквозь толпу новообращенных и спросил:

– Теперь ты позволишь им уйти?

– Я дал обещание на священной земле. Я милосердный человек, каким велит быть Архангел. Они свободны. – Я сунул два пальца в рот и свистнул. – Пропустите их!

Паладины расступились. Матери, дети и старики побежали вниз по ступеням, словно спасались от разъяренного быка. А мы остались с сорока юношами, которые отказались преклонить колени.

– Твое сердце ожесточилось. – Я вытащил из ножен меч и вонзил его в сердце муфтия.

Тот захрипел и забормотал предсмертную молитву. Из его рта хлынула кровь, орошая святую землю.

– Но все-таки осталось достаточно мягким.

Я вытер клинок о его халат. Белая ткань окрасилась красным.

Сорок оставшихся не сопротивлялись, когда паладины залили Ангельский холм красным.

Через несколько часов я ел кислые фиги под уродливым золотым павлином, и тут в зал ворвался запыхавшийся Беррин.

– Прости, Великий магистр!

Он упал на колени.

– Что стряслось?

Он закрыл глаза и покачал головой в странной сирмянской манере – по диагонали, словно раскачивался под медленную музыку.

– Мы отпустили наследника престола.

Я выпрямился на золоченой лежанке.

– Какого наследника?

– Наследник шаха был среди тех, кого мы отпустили с Ангельского холма.

– Но мы отпустили только матерей, детей и стариков. А все старшие сыновья шаха в темнице.

Беррин уткнулся головой в сгиб локтя.

– Это моя вина. Я по глупости предположил, что тайный наследник находится среди старших сыновей, но по какой-то причине, похоже, шах выбрал младшего. Мы отпустили его вместе с матерью.

– Ты уверен?

– Один из визирей, которых мы захватили, выболтал этот секрет палачу, когда тот выди-
рал у него ногти. Главный евнух гарема подтвердил это. Правители провинций, ханы забада-
ров, командиры янычар – все они стекутся туда, где поселится его мать.

Я вытащил меч из ножен. Беррин задрожал, словно клинок предназначался ему.

– Ох, Беррин, безупречны одни лишь ангелы. – Я поманил его за собой во двор. – Пошли
за ними в погоню самых быстрых всадников. Это их страна, так что, вероятно, мы уже опоз-
дали.

Закат окрасил все в красное. Внизу, в городе, до сих пор бушевали пожары, и дым затме-
вал угасающий свет. Прогулка по саду была приятной передышкой.

Я взошел на помост в саду, прислонил меч к деревянному стулу и сел на широкую
кушетку с подушками.

– Хочу немного отдохнуть.

Сад был еще более вычурным, чем тронный зал. Нас окружали золотистые, фиолетовые
и белые цветы, собранные в виде звезд. Кусты были подстрижены в форме птиц. Здесь даже
протекал ручей. Везде стоял такой сильный запах мускусных роз, что у меня защекотало в носу.

– Но мне не помешала бы компания. Приведи ко мне всех Селуков. Гарем. Мальчиков
и девочек. Младенцев. Всех.

Беррин кивнул. Пока он не успел отойти слишком далеко, я его окликнул. Он обернулся,
подняв кустистые брови.

– И еще кое-что. Приведи ко мне шаха.

Его лицо расплылось в довольной ухмылке. Не найти человека, которого Беррин ненави-
дел бы больше, чем шаха Мурада. Десять лет назад Мурад приказал перерезать всю благород-
ную семью Беррина, потому что она поддержала официального наследника, Селима. Напавшие
на вотчину Беррина забадары бросили тела его братьев гнить в канаве. Они изнасиловали его
мать и прибили ее к двери поместья. Его сестрам ночью удалось сбежать, но больше он ничего о
них не слышал. В тот день Беррину тоже захотелось умереть, но не раньше, чем он отомстит. К
сожалению, я не мог убить шаха без благословения императора, но собирался немного облег-
чить боль Беррина.

В сад, неся кальян, вошел Джауз, чья лысина поблескивала на свету. Что таится за этими
греховными удовольствиями?

Он сел подле меня; пахло от него оливковым маслом, которым он, похоже, натер лысину.

– Я знаю, ты не любишь кальян, так что я не буду курить у тебя на глазах. – Он поставил
кальян за спиной.

– Джауз, ты можешь делать что пожелаешь, я не стану тебя осуждать. Ты и сам это пре-
красно знаешь.

– Ночь была долгой. Нам всем нужно расслабиться. Найти какие-нибудь удовольствия
посреди огня.

– И какие же удовольствия любишь ты? Не считая кальяна.

– Все, Великий магистр. Я ни в чем себе не отказываю.

На кедре в центре сада порхали и плясали разноцветные птицы.

– Ты ничем не отличаешься от этих птиц, – сказал я, – если не знаешь, что хорошо, а
что плохо.

Он засмеялся так, что затрясся живот. Будто я пошутил.

– Мои единоверцы считают, что у каждой души есть только одна жизнь, прежде чем
она возвращается к единой, невидимой душе, которую мы зовем Колесом. А до возвращения
лучше получить от жизни максимум.

Его дурацкая религия меня не интересовала. Но самого Джауза я готов был терпеть все-
гда. Я кивнул и притворился, что мне есть до этого дело.

– И почему же вы называете это Колесом?

- Потому что колесо никогда не прекращает свой круговорот, как жизнь и смерть, а мы
- лишь спицы в этом колесе, отдельные, но все же часть целого.
- Если все мы одинаковые, тогда наши действия, хорошие или плохие, не играют роли.
- Тысячу лет назад в Шелковых землях упал метеорит. Погибли почти все. Есть ли этому метеориту дело до того, что есть добро, а что есть зло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.